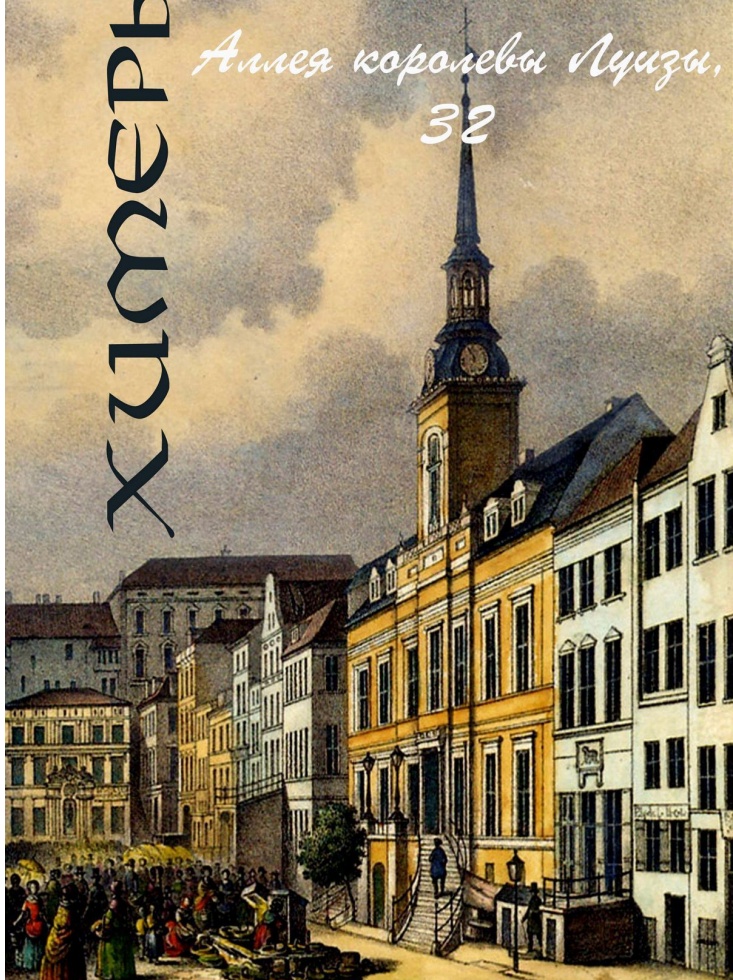

ХИЩЕРЫ

Вадим Храппа

*Аллея королевы Луизы,
32*

Вадим Вилюрович Храппа
Аллея королевы Луизы, 32
Серия «Химеры», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52196710

Аллея королевы Луизы, 32:

Аннотация

Невероятная смесь детектива, мистики и депрессивной антиутопии, основанной на реальных событиях с реальными людьми в качестве персонажей этого странного представления – в трилогии «Химеры».

Первая часть: «Аллея королевы Луизы, 32» – самая детективная и мистическая.

Содержание

1	4
2	12
3	14
4	17
5	23
6	30
7	33
8	43
9	48
10	57
11	70
12	72
13	77
14	78
15	89
16	96
17	101
18	109
19	112
20	117
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Вадим Храппа

Аллея королевы Луизы, 32

1

Александр Львович Ливенталь, двадцати шести лет от роду, лысеющий брюнет, среднего роста, в легких брюках цвета хаки, в черной футболке с надписью “Металика” и в солнцезащитных очках с тонкой золотистой оправой, сидящих на длинном прямом носу, ехал в стареньком “Опеле” модели восьмидесятых годов двадцатого столетия из Янтарного – черт знает куда. Несчастный “Кадет” гремел всеми своими железками на грубо уложенных булыжниках какой-то, неизвестной ему, старой дороги.

Александр Львович закончил когда-то Одесский университет и учительствовал в родном городе Житомире, пока этот город, со всей Малороссией вкупе, не оказался за границами Российской империи, и власти, перекрасившись из красных в жовтоблакитные, и раньше-то не очень жаловавшие евреев, не накинулись на них со всею страстью, освободившегося от гнета москалей, национального характера. И те из евреев, кто по вялости характера или по недомыслию не успел еще смыться в Израиль, брызнули во все стороны, как тараканы. Большинство, конечно, в сторону Мертвого моря.

Ливенталь же, с детства отличавшийся оригинальностью, в обратном направлении – к Балтике. Еще в университете он сдружился с одним аспирантом, поразившим его воображение полным отсутствием не то чтобы антисемитизма, а даже внятного представления о таковом. После, разъехавшись по домам, обзаведясь семьями и работой, они изредка переписывались, посылали друг другу открытки на праздники, а когда самостоятельность малороссов совсем уж прищемила хвост Ливенталю, он решил перебраться в Пруссию. Тем более что приятель регулярно зазывал его в “край туманов, черепичных крыш и неоготики”, а Ливенталю эти крыши почему-то казались ближе и роднее, чем плоские – израильские. Вся его семья состояла из одной жены, которую к тому времени уже вытеснили с работы национальные кадры, и потому сборы были быстрыми.

Вот так, полтора года назад, Александр Львович, чьи предки портняжничали в Житомире и не покидали тех мест еще со времен Александра Освободителя, оказался в Пруссии. Приятель помог с поисками жилья и работой, устроив своим заместителем в собственную организацию, которая изначально должна была заниматься поисками новых технологий, но пока с переменным успехом занималась спекуляцией, чем придется. Ко времени, о котором ведется повествование, у Александра Львовича появился старенький “Кадет”. Хотя он совершенно запутался в сложных финансовых паутинах, расставленных для него, как кредиторами, так и

должниками, тем не менее, подумывал уже и о покупке квартиры. И все было бы у него в порядке, если б не накалившаяся семейная атмосфера. Пруссия обескуражила молодую чету Ливенталей абсолютным незнанием национальных отношений. Нет, тут конечно были такие понятия, как “лабусы”, “бульбаши” или “паны” – так изредка называли тех, кто жил за пределами области, однако, местные жители были с ними в гораздо более приятельских отношениях, чем Ливентали со своими соседями в Житомире. Более того, стоило кому-то из-за границы приехать в этот край, как он тут же становился своим, местным. Короче говоря, здесь никому не пришло бы в голову швырнуть камень в твое окно за то, что в детстве тебе остригли детородный орган. Отсутствие вечно враждебной и склочной среды и необходимости в клановой круговой поруке вышибло почву из-под ног Ливенталей. И если Александр Львович при этом вдруг почувствовал, как за спиной у него распускаются крылья, то его супруга ощутила себя, по ее же словам, “как дерьмо в проруби”.

– Тут не к кому прислониться, – говорила она.

– Так не за чем! – злился Александр Львович. – Ты же сама говорила, что в Житомире тебя тошнит от местечковых жидов! А тут ты без них жить не можешь!

Все усложнялось еще и тем, что Диана, не могла найти работу. Людей, чьей профессией считалась журналистика, почему-то было слишком много в этом городе. Александр Львович все больше уверялся, что его жена бесится от скуки.

Сегодня утром они разругались вдрызг. И повод-то был настолько пустяшный, что Александр Львович не мог и вспомнить. Однако злость на Диану была такой, что у него не было никакого желания возвращаться после работы домой. Он решил развеяться – съездить к морю. Эти же растрепанные чувства заставили его сделать и другую глупость. На полпути между Кёнигсбергом и Раушеном, когда ему нужно было сворачивать направо, за указателем “Светлогорск”, он, смутно представляя себе карту Самбии, но, подозревая, что к Раушену можно выехать и с другой стороны, через Пальменикен, поехал прямо на Витланд, согласно стрелке “на Приморск, Янтарный”. Добросовестно следуя указателям, он доехал до Янтарного, проехал его насквозь и только потом, тарахтя по булыжнику, понял, что оказался на дороге, о существовании которой не подозревал. По обе стороны от нее зеленели поля, где что-то колосилось. Слева, примерно в километре, за полем синела лесополоса, за которой расплавленным золотом сверкало море. На дороге не было ни машин, ни пешеходов. Александр Львович прижался к шиповнику на обочине, заглушил мотор, вышел из машины и закурил. От куста, у которого стояла машина, начиналась лесополоса из высоких деревьев неизвестной Александру Львовичу породы, наискось разрезавшая поле и уходившая куда-то вниз, к другой лесополосе. Где-то там, громко и нахально щелкала, свистела, трещала, попискивала и неизвестно что еще вытворяла голосом какая-то птица, и Александр Львович вдруг

понял, что это – соловей, которого он никогда до сих пор не слышал. Когда соловей умолкал ненадолго, то воздух наполнялся свистом и чириканьем других птиц, и одновременно становилось слышно такого же певца невдалеке. Но вот тот, что ближе, отдышался, щелкнул несколько раз, пробуя голос, и заверещал, заглушая все лишние звуки. А Александр Львович, присел на капот и, вдыхая девственные ароматы побережья, сдобренные "Кэмелом", смотрел на сверкающую белизну бесконечной Балтики, пока не заметил, что неподалеку, прямо к морю ведет через поле наезженная грунтовка. Он подошел к ней и, внимательно оглядев, убедился, что "Кадет" пройдет по ней без приключений. Вернулся, сел в машину, и еще раздумывая, не стоит ли вернуться в Янтарный, уже съезжал с мостовой. Возможно, он принял бы другое решение, посмотрев на часы – было уже без десяти минут девять. Но, оглушенный соловьем, он поехал навстречу солнцу. Розовея, оно потихоньку валилось в море и светило Александру Львовичу прямо в лицо. Скоро он подъехал к приземистым прибрежным соснам, и немного свернув по колее, оказался на поляне, один край которой обрывался к морю. Он вырулил к самому обрыву так, что еще немного и край поляны сполз бы вниз на пляж вместе с машиной. Но Александр Львович не знал коварности наших берегов и восторженно разглядывал ослепительное пространство перед собой.

Немного придя в себя, он запер машину, и пошел искать

спуск на пляж. Он оказался тут же, по кромке глубокого темного оврага, заросшего гигантскими деревьями. Когда-то здесь были ступени, кое-где сохранились доски от них и покосившиеся железные столбы, к которым крепилась толстая медная проволока вместо поручней. Теперь песок под ногами просыпался, вода, стекающая здесь в дожди, вымыла глубокие выбоины. Придерживаясь за проволоку и ветки облепихи, Александр Львович спустился на, еще никем не вытоптаный пляж, и ахнул.

Под ногами был белый, как простыня, песок, впереди – сверкающее зеркало спокойного моря, а на берег из него выходила светящаяся Афродита покрытая, радужно переливающимися на солнце, каплями. Тело ее было совершенно и зрело, как груша, готовая упасть с ветки. И по тому, как она улыбалась Александру Львовичу, он понял, что это не видение, что перед ним настоящая, живая, голая женщина. Они шли друг другу навстречу, и Ливенталь видел, как скидывают капли воды, изгибаясь в золотистые спирали, волоски на ее лобке, и как эти капли, собираясь в тонкие струйки, бегут по внутренней стороне бедер, упруго вздрагивающих при каждом шаге.

Она подняла руку и убрала со лба мокрую золотую прядь, и он увидел, как курчавится золото у нее подмышками, и какие яркие желтые ее глаза.

В двух шагах от Александра Львовича она остановилась, давая рассмотреть себя, и он стоял, захваченный этим чудом

настолько, что уже не понимал, где находится. Он только часто сглатывал липкую слюну, чувствовал, что не может произнести ни слова, а мозги у него горят.

А она обошла его, едва коснувшись соском, похожим на абрикосовую косточку, и направилась к оврагу. Солнце светило ей в спину, и Ливенталь несколько секунд смотрел на розовый пушок ее плеч и ягодиц, и на то, как отливают металлом ее мокрые огненные волосы, а потом поплелся следом.

Девушка всего шагов на десять опережала Ливенталья, но когда он ступил в тень оврага, то вдруг испугался, что в этих зарослях может потерять ее. Он еще немного прошел вглубь, озираясь по сторонам, но девицы нигде не было видно.

– Эй! – сказал Александр Львович. – Мадам! Вы где?

Игра переставала его забавлять. Он уже ругал себя за то, что побежал за потаскушкой, как вдруг сзади, с той стороны, откуда он пришел, Ливенталь услышал шорох. Он обернулся и увидел большую рыжую собаку, оскалившуюся и готовую к прыжку. Ливенталь хотел закричать, позвать на помощь, но не успел – собака прыгнула и впиалась ему в горло.

“3 июня 1995 года на пляже в районе пос. Донское Светлогорского округа местными жителями был обнаружен разбитый “Опель – Кадет”.

Установлено, что второго июня некто Л., решив посетить взморье, подъехал слишком близко к обрывистому бе-

регу, и в результате оползня автомобиль вместе с водителем рухнул вниз. Еще одно страшное предупреждение любителям автомобильного отдыха на необорудованных пляжах и стоянках”.

Газета “Наши колеса” 7.06.1995 Калининград

“Жители поселков западного побережья – Синявино, Кленовое, Донское, жалуется на, увеличившееся в последнее время, количество бродячих собак и волков, ставших просто бичом приусадебных хозяйств. Не проходит и месяца, чтобы хищники не зарезали овцу или теленка. У местных же охотхозяйств, как видно, не доходят руки до контроля над численностью диких животных”.

Из обзора писем в газете “Янтарная зона” 14.06.1995 г.

2

Кобель цвета жухлой соломы вильнул хвостом и запрыгал вокруг суки, игриво покусывая ее за холку. Сука не зло, но решительно огрызнулась, и кобель, обиженно отвернувшись, присел в стороне. Сука была молодая, тонконогая и поджарая, красивого рыжего окраса со светлыми подпалинами. Она потянулась, зевнула, блеснув кинжальным острием клыка, и сорвавшись с места, понеслась по полю вдоль ручья, рассекая грудью пласты предрассветного тумана. Она бежала легко и ровно, и кобель, намного старше нее, с трудом поспевал. Внезапно сука встала и, втянув подрагивающими ноздрями воздух, повела мордой, вылавливая в гуще ночных ароматов единственный вожаделенный – горьковатый запах копытного. Какого – она сходу не разобрала. Кобель замер, стараясь не мешать ей лишним вздохом или неосторожным движением. Тело суки напряглось и вытянулось вперед. Она сделала шаг, другой, и, медленно разгоняясь, побежала. Теперь уже и он чувствовал впереди лань или молодую косулю. Сука замедлила шаг, движения ее стали крадущимися. Кобель встал и, не двигаясь, следил за ней. Сука еще несколько раз шагнула и сделала стойку на куст боярышника. Кобель тихо обежал кустарник и с лаем бросился в ложбинку, укрытую ветвями. Гигантским прыжком, почти вертикально вверх, из-под куста вылетела лань. Сука, мгновенно про-

считав место ее приземления, метнулась наперехват. Грудью она сшибла лань на землю, и, не дав ей подняться, полоснула клыком по длинной шее. Лань еще вскинулась на передние ноги, взметнула маленькую головку, но сука уже сжала челюсти на ее горле. Потом рванула раз, другой, и горячая струя толчками хлынула на траву. Сука лакала кровь прямо из раны, торопясь, захлебываясь, пьянея. Рядом, к растекающейся луже пристроился кобель, сопя и поскуливая от удовольствия.

3

Диана сидела в углу кабинета, закинув ногу на ногу, на мягком польском диване обитом синим велюром и курила. И следила за каждым его движением.

Олег вытащил из ящика стола пакет с крупой, подошел к окну, распахнул его и высыпал две пригоршни зерна на крышу гаража внизу. Голуби уже ждали. Он смотрел, как они, воркуя, топчутся вокруг зерен. Он знал, что и сейчас Диана не сводит с него глаз.

Он боялся ее. Он боялся обернуться и встретиться с ней глазами.

Было пятнадцать минут десятого. Минут через десять должна была прийти его секретарша. Он покосился на часы. Стрелки казались парализованными.

Олег сел за стол, открыл блокнот, открутил колпачок ручки, посмотрел перо на свет, не прилипла ли какая ворсинка, и стал черкать на чистом листе вензеля и кружочки.

– Ты мне не ответил,– сказала она.

– Кто тебе это сказал?– устало спросил Олег.

– Неважно. Важно то, что Саши больше нет, и это – твоя заслуга.

– Чушь! – заорал он.– Ты...

– Не кричи,– перебила она его. Но Олег и сам испугался звука своего голоса и, притихнув, уставился на стену.

– Диана, милая,– сказал он.– Я не знаю, какой черт потащил его на этот обрыв...

– Не мути. Ты знаешь, о чем я говорю.

Олег вдруг почувствовал, что ему надоело быть виноватым. Надоело, что она сидит тут, как прокурор, не давая ему и слова сказать. Он поднял голову от блокнота и посмотрел, наконец, на нее.

– Ну, хорошо,– сказал он.– Я просто не хотел этого делать при тебе. Я сам думал в этом разобраться.

– Вот и разбирайся. При мне.

“Странно...– подумал Олег.– Она совсем не похожа на убитую горем вдову”.

Он снял трубку телефона и набрал номер. На другом конце женский голос ответил по-литовски.

– Добрый день,– сказал Олег.

– Добрый день,– сказали уже по-русски.

– Будьте добры, позовите Валдиса к телефону.

– Вы ошиблись. Тут нет никакого Валдиса.

И положили трубку.

– Чертовы конспираторы!– выругался Олег, нажал на рычаг и кнопку повторного вызова.

– Погодите класть трубку,– сказал он, когда ему ответили.– Меня зовут Олег Ремизов. Мое имя должно быть в вашей тетради. Посмотрите.

– Действительно,– сказали ему через минуту.– Есть Ваше имя.

– Так я могу поговорить с Валдисом?

– Его нет.

– А когда он будет?

– Не знаю. Он в командировке. Позвоните завтра, может что-то выяснится?

– Хорошо.

– Его нет, – сказал он Диане. – Завтра я позвоню еще. Этот человек – единственный, кто мог бы что-то узнать.

Диана встала и направилась к двери.

– До завтра, – сказала она и вышла.

4

Человек, которого Олег разыскивал в Литве, был в это время в двух кварталах от него, на той же улице Центрального района Кёнигсберга, только в ее конце. Он стоял, прижавшись спиной к стене сбоку от входной двери квартиры в мансарде старого дома. Точно так же, только с другой стороны, стоял его приятель по прозвищу Гусь. У обоих на головах были шерстяные подшлемники, скрывавшие их лица. У обоих – пистолеты Макарова. Но только у одного – в руках. Другой держал огромные клещи. Третий – господин солидного вида, в очках на круглом добродушном лице, и с небольшим чемоданчиком, стоял перед дверью и нажимал кнопку звонка. Это был второй звонок. Господин знал, что его уже разглядели сквозь глазок, и теперь решают – открыть ему дверь или нет? Замок щелкнул, и дверь приоткрылась на ширину растянувшейся цепочки. Показалось заросшее черной щетиной лицо и открыло рот, но спросить ничего не успело. В его лоб уперся ствол пистолета. В то же мгновение звякнула перекушенная клещами цепочка.

– Тихо, Сеня, – сказал господин в очках. – Закрой рот и с тобой ничего не случится.

Тот, кого Олег Ремизов знал под именем Валдис, проскользнул в комнату мимо Сени. В гостиной на диване спал бритоголовый мужик, разукрашенный татуировками. Вал-

дис сел в кресло напротив и направил на него ствол пистолета. Через секунду к бритоголовому присоединился со связанными руками и заклеенным ртом Сеня. Гусь пошарил под подушкой у бритоголового, но ничего не найдя, посмотрел под диван и вытащил оттуда ижевское многозарядное ружье двенадцатого калибра с отрезанным прикладом. Бритоголовый не просыпался. Его разбудили, тыча в лицо стволом ружья. Потом связали и тихо свистнули. На свист явился господин в очках и, мельком взглянув на диван, распахнул дверь в спальню хозяина. Тот стоял за ней с маленьким короткоствольным револьвером в руке.

– Брось, Эдуард,– сказал ему господин в очках.– Эти ребята разнесут тебя в клочья еще до того, как ты соберешься спустить курок. Не дури.

Хозяин был толстым, и его живот, навалившийся на резинку спортивных штанов, мелко дрожал.

– Давай сюда свою пукалку,– сказал господин в очках, протягивая руку.

Хозяин зло посмотрел на него и бросил револьвер на пол. Господин в очках отшвырнул его ногой назад, к Валдису. Тот поднял и сунул в карман.

– Присядем?– спросил хозяина господин в очках, подходя к столу и устраивая на нем чемоданчик.

Тем временем напарник Валдиса обыскал постель хозяина, прощупывая подушку и шелковое стеганое одеяло. Ничего, не найдя, он скинул постель на пол и, сделав на матрасе

несколько поперечных разрезов ножом, залез в него рукой.

– Открывай, – сказал господин в очках, кивнув головой на чемоданчик.

– Пошел ты...

– Хамишь, – вздохнул господин в очках. – Ну что ж, я и сам открою.

Он покрутил колесики с цифрами на замках чемоданчика и поднял его крышку.

– Вот это да! – удивился он. – Вот уж чего не ожидал тут увидеть!

Чемоданчик был набит газетами.

– Что за странные подарки? Эдуард, ты же знаешь, что я не читаю газет. А где деньги, которые ты мне должен? Может под газетами? Ну-ка посмотрим... Нет, не видно денег. Так, где же деньги?

Гусь подошел к столу и бросил на него несколько пакетиков с белым порошком. Господин в очках отмахнулся:

– Спусти их в унитаз. Мне это не интересно.

Хозяин дернулся, но промолчал, судорожно сжав губы.

Валдис, сидя в кресле, разглядывал сервант. Особенно интересным ему казалось отделение с китайским фарфором. Его полка явно была уже, чем должно. Он подошел к серванту, открыл стеклянную дверку и посмотрел на хозяина. Тот быстро отвел глаза в сторону. Валдис сгреб фарфор и свалил его на пол. От грохота посуды вздрогнули все, кто был в комнате. Из коридора показался Гусь с пистолетом наготове, но,

увидев Валдиса, опустил оружие и с любопытством стал наблюдать, как тот отковыривает заднюю стенку шкафа ножом.

– Вот они где, мои деньги!– сказал господин в очках, когда стенка отвалилась, открыв аккуратно сложенные за ней пачки долларов.

Хозяин, стиснув зубы, смотрел в пол. Лоб и шея его покрылись каплями испарины, собиравшейся в струйки.

Господин в очках, выбросив газеты, подошел к серванту и стал складывать в чемоданчик деньги.

– Одна, вторая,– считал он,– третья, четвертая, пятая, шестая...

– А почему – шестая?– вскинулся хозяин.

– Компенсация. За моральный ущерб. Седьмая, восьмая. Ну, вот и все. Мне чужого не надо. Пошли, ребята.

Гусь привязал хозяина к стулу. Не очень надежно, так, чтобы он мог скоро освободиться.

На улице их ждал старенький “Фольксваген-Гольф”. Едва они отъехали от дома, господин в очках достал из чемоданчика две пачки и протянул Валдису.

– Спасибо,– сказал он.– Хорошая работа.

На площади Победы господин вышел из “Фольксвагена”, и неторопливо направился к своему 126–му “Мерседесу”, размахивая чемоданчиком. Валдис подождал пока он уедет, потом пошел к телефонным будкам у Северного вокзала. Покурил, пережидая очередь, позвонил, и когда ему ответили, сказал:

– Все в порядке. Можешь звонить.

Это значило, что хозяин “Фольксвагена” должен был довести до сведения милиции, что обнаружил пропажу своего автомобиля. Пока они будут разбираться, Гусь вернет “Фольксваген” к дому владельца. Делалось это на случай, если кому-нибудь придет в голову искать их через машину.

Потом Валдис вернулся на площадь.

– Отгони машину, – сказал он своему напарнику, протягивая пачку денег. Тот кивнул и включил зажигание.

Автомобиль Валдиса – черный “БМВ”-325 стоял тут же. Валдис сел в него не сразу, сначала сходил к киоску и купил три банки “кока-колы” и блок сигарет “ХБ”.

Через час он уже стоял на пограничном посту перед Нидой и протягивал пограничнику документы.

– Витаутас Йоза? – спросил пограничник, заглядывая в машину.

Валдис кивнул.

– Откройте, пожалуйста, багажник.

Валдис подчинился.

– Все в порядке?

– Да, – сказал пограничник. – Счастливого пути.

Он козырнул и пошел к следующей машине. Валдис переехал на литовскую сторону.

В Ниде он пообедал и, расплатившись, зашел на почту к телефонам-автоматам.

– Лаба дена, это я, – сказал он, когда в Каунасе подняли

трубку.

– Ты скоро вернешься?

– А что, меня кто-то спрашивал?

– Да. Какой-то Ремизов. Он записан в тетради.

– Я знаю. Чего он хотел?

– Валдис, меня не интересует, чего хотят твои клиенты.

Да они и не говорят.

– Когда он опять позвонит, спроси, насколько его дело срочное? Если да, то скажи ему, что я на косяке. Он знает, где меня найти.

– Хорошо.

– Это все новости?

– Все.

– До свидания.

На другой день русско-литовскую границу на Куршской косе пересек “Сааб” Олега Ремизова. Он направлялся к небольшому курортному городку Шварцорт, названием которого в литовском варианте считается Юодкранте. Рядом с Олегом сидела Диана, а сзади катались по сиденью шесть банок пива “Хольстен”.

В Юодкранте Олег поставил машину на платную стоянку, обменял в канторе двадцать пять долларов на литы и купил в магазине сыра, копченой колбасы и буханку ржаного хлеба с тмином. Потом они пошли вглубь городка, где старые деревянные дома подпирали боками дюну, поросшую сосновым лесом, и поднялись по лестнице одного из них, расположенной снаружи дома на второй этаж. Олег постучал в дверь, но ему никто не ответил. Тогда он постучал еще раз – громче и настойчивей. Вышла заспанная девица в накинутой на голое тело мужской рубашке. Ей даже не пришлось в голову запахнуть полы.

– Валдис здесь?– спросил Олег, помимо воли скосив глаза на низ ее живота.

Девица зевнула и отошла в сторону.

– Хоть бы трусы надела,– пробормотала Диана.

На большой двуспальной кровати в единственной комнате лежал, небрежно прикрытый простыней, худой жилистый

мужчина с коротко стриженными русыми волосами. Одна его рука была под матрасом.

– А, это ты,– сказал он, вытаскивая руку.– Пиво принес?

– Да,– сказал Олег, ставя пакет с продуктами на захлапленный пустыми бутылками и коробками из-под соков стол.

Мужчина резко сел на кровати, обернув простыню вокруг бедер.

– Давай.

Сухие мышцы как змеи шевелились под его тонкой смуглой кожей.

Олег вытащил из пакета банки с пивом.

– Дай стаканы,– попросил Валдис девицу, бродившую по комнате, как сомнамбула в поисках своей одежды.

– Ладно, я сам,– сказал Олег, собирая со стола грязную посуду по дороге в ванную. Тут только он заметил, что Диана все еще стоит у двери, брезгливо оглядываясь вокруг.

– Ты бы села куда-нибудь,– сказал он ей.

– А это кто?– спросил его Валдис.

– Жена моего друга,– крикнул Олег из ванной.– Ее зовут Диана. Нам надо поговорить с тобой.

– И ей тоже надо?– спросил Валдис, ставя на стол пустую банку, и разглядывая Диану.

– Скажите Вашей подружке, чтобы она оделась,– сказала Диана.– Мне не хочется любоваться ее голым задом.

Девица, до того рывшаяся в груди одежды на стуле, выпрямилась, посмотрела на Диану, фыркнула и снова нахло-

нилась над стулом.

Валдис улыбнулся.

– Я могу подумать, что у Вас там что-то другое, не то, что у нее.

– Две недели назад у нее погиб муж, – сказал Олег, входя в комнату со стаканами.

– Прошу прощения, – сказал Валдис. – Это и есть то, о чем вы хотите поговорить со мной?

– Да, – сказал Олег, наливая пиво.

Валдис кивнул и посмотрел на девуцу, неторопливо натягивающую трусы.

– Линна, ты действительно слишком долго возишься.

Они помолчали, глядя, как Линна застегивает короткий пляжный халат на объемистой груди. Потом она подошла к столу, залпом выпила стакан пива и, подхватив двумя пальцами босоножки, удалилась, не проронив ни слова.

– Она немая? – спросила Диана.

– Нет. Просто очень плохо говорит по-русски и не любит этого делать, – сказал Валдис. – Так что вам от меня нужно?

Олег посмотрел на Диану и спросил:

– Может, ты погуляешь?

Она резко мотнула головой.

– Ну ладно, – вздохнул Олег. – Мы с ее мужем дружили. Вместе учились в Одессе. Они жили на Украине, но недавно я их вызвал в к нам. Саша стал у меня коммерческим директором. Две недели назад после работы он зачем-то поехал к

морою, и там свалился вместе с машиной с откоса.

– А что говорят менты?

– Оползень. Слишком близко подъехал к краю обрыва.

– А ты что думаешь?

Олег пожал плечами.

– Мутная история. Зачем ему нужно было подъезжать на самый край? Не нырять же он с него собирался.

Валдис покачал головой.

– Не довод.

– Мой муж был евреем,– сказала Диана.– А мы – народ предусмотрительный и осторожный.

– Все-таки – не довод.

– Есть еще одна странная вещь,– сказал Олег.– В машине было очень мало крови. Ты представляешь, что там должно было твориться?

– Где это произошло?

– Возле Янтарного.

– Представляю. Ну и что?

– Там почти не было крови.

– Интересно...– протянул Валдис.

– Это еще не все. На шее у него была очень странная рана, которую ему сделать в машине было вроде нечем.

Валдис посмотрел на Диану. Та сидела бледная, но взгляд ее был трезвым и жестким.

– Ну, и ты думаешь, что его засунули в машину уже готовым, и спустили с обрыва?– спросил Валдис Олега.

– Я думаю, что это мутная история, и неплохо бы в ней разобраться.

Валдис закурил сигарету и выпустил несколько колец.

– Бред какой-то,– сказал он, немного подумав.– Мы же не в Чечне. Я что-то ни разу не слышал о любителях резать глотки. Как его звали?

– Саша Ливенталь. Александр Львович.

– Есть какие-то подозрения?

Олег назвал фирму, в которую когда-то вложил серьезные деньги, но потом, заподозрив ее крах, вовремя свои средства изъяс. Фирма, конечно, лопнула и потянула за собой несколько других, а вину за это они пытались свалить на Олега. Даже наехать пробовали, но Олег отбилсся.

– Это все?– спросил Валдис.

Олег, подумав, назвал еще пару фирм и несколько фамилий.

– Но эти – вряд ли,– добавил он.

– У тебя поесть ничего нет? – спросил Валдис.

– Конечно, я совсем забыл,– сказал Олег, вытряхивая из пакета еду.

Валдис пошарил за кроватью и вытащил початую бутылку “Столичной”.

– Будешь?– спросил он у Олега.

– Нет. Мне сегодня еще назад ехать.

Валдис налил себе полстакана, отрезал хлеб и оторвал кусок колбасы. Выпил и закусил. Потом посмотрел на Диану.

– Я извиняюсь, что не предложил. Может, Вы тоже хотите?

– Хочу,– сказала Диана.

– Вот это правильно,– сказал он, наливая в другой стакан.– Люблю выпить с утра. Особенно, когда есть с кем.

Олег с изумлением смотрел, как Диана вылила в себя водку и, отрезав кусочек сыра, закусывает им.

– Ну вот,– сказал Валдис.– А говорили – осторожны и предусмотрительны. Что Вы делаете сегодня вечером?

– Ты возьмешься за это?– спросил Олег.

– Не знаю. Надо сначала расспросить кое-кого. Кстати, у тебя ведь с ментами отношения лучше, чем у меня. Попробуй узнать, было ли в ближайшие два-три года что-либо подобное?

– С машиной?

– Нет. Это как раз не очень интересно. Я имею в виду сам способ... Ну, ты понимаешь, о чем я.

– Хорошо,– сказал Олег.– Я узнаю. Что-нибудь еще?

– Пока все. Вы не могли бы отвернуться?– спросил Валдис Диану.– А я бы тогда выбрался из-под простыни.

Диана посмотрела на него, и вдруг ей пришло в голову, что у него очень юная фигура.

“А ведь ему уже далеко за тридцать”,– подумала она, отворачиваясь и стыдясь собственных мыслей. “Если б не эти два странных глубоких рубца на груди, с него можно было лепить подростков”.

– Откуда у Вас эти шрамы на груди?– спросила Диана.

Валдис не ответил. Она повернулась и увидела, что он уже застегивает рубаху.

– Что? – спросил он, глядя ей в глаза.

– Ничего, – сказала Диана.– Это я так...

Валдис кивнул.

– Ну что, пойдём, перекусим и выпьем чего-нибудь поприличнее?– спросил он.

– Пойдём,– сказала Диана.

6

Следующим утром Валдис пришел на стоянку за своим БМВ в пять часов утра. Ему нужно было за день проехать две границы, чтобы попасть в южную часть Пруссии в Ольштын. В полвосьмого он звонил из Бартошиц по телефону.

В девять часов Валдис сидел в кафе в центре Ольштына напротив грузного человека с круглым румяным лицом, и потягивал густой черный кофе. Говорили они по-литовски, на языке, который вряд ли мог знать кто-либо из сидевших неподалеку.

Человек с круглым лицом посмотрел на часы.

– К двенадцати я все выясню. Но не думаю, что тебе это что-то даст. Я про такие штуки еще не слышал. Может, чеченцы?

– Откуда им взяться?

Человек напротив Валдиса пожал плечами.

– Ну, ладно, – сказал он. – Я пойду. Встречаемся здесь?

Валдис кивнул, глядя на молоденькую паненку-подавальщицу. Та ходила между столиками, вертя бедрами, как моделька на подиуме. Бедра были хороши, и гордиться ей было чем.

Рядом громко гоготала компания престарелых немцев. Румяный человек встал, неодобрительно посмотрел на них и вышел из кафе.

Валдис погулял три часа пешком по Ольштыну, покидал камешки в речку, поглазел на юных полек, и к двенадцати вернулся в кафе. Румяный уже расправлялся там с сосисками, запивая их пивом. Валдис тоже заказал сосиски и виноградный сок.

Румяный посмотрел на него, и помотал головой.

– Ничего?– спросил Валдис.

– Ничего.

– Я так и думал. Странная история,– сказал Валдис, передавая румяному сто долларов.

– Я же ничего не выяснил,– сказал румяный, глядя на зеленую бумагу.

– Но ты все-таки работал. Теперь я точно знаю, что копать нужно в другом месте.

Румяный взял деньги, и сунул их в нагрудный карман рубашки.

– Слышал?– спросил он.– Кто-то бомбанул Эдика Белоруса.

– Ходят слухи... Так у него вроде долг забрали.

– Поделом. Он охамел – своих начал кидать. Когда-нибудь ему вставят перо в бок. А говорят, ребята очень чисто сработали. Сеня Леший и ахнуть не успел, как его повязали.

Румяный оторвался от сосиски и посмотрел на Валдиса.

– Не знаешь, кто работал?

– Нет,– сказал Валдис.

– Ну, значит и мне это неинтересно. Только слышал я, что

Эдик ищет этих ребят.

– Пусть ищет,– сказал Валдис.– Может, нарвется на что.
Румяный кивнул и собрал хлебом остатки соуса с тарелки.

– Ну, я пошел?

– Давай.

– Если что-то засветится, я позвоню.

– Ага.

Валдис ехал на север и думал об этом деле.

– “Кведнау-консалтинг” ...

– Добрый день. Мне нужен Олег Ремизов.

– А кто его спрашивает?

– Валдис.

– Одну минутку, я посмотрю.

Хорошенькая девочка, лет тринадцати-четырнадцати, в коротком платьишке и колготках с рисунком, имитирующим приспущенные чулки, выгуливала бледную собаку на кривых ногах и с мордой заспанной крысы. На девочке были грубые коричневые ботинки с пряжками, а ее платье глубокими вырезами напоминало мужскую майку. Все вместе смотрелось дико и походило на картинку из журнала “Крокодил” за 1975 год. Валдис в очередной раз подумал, что в этом деле есть что-то ненормальное.

– Валдис?

– Да.

– Ты откуда звонишь?

– С окружной. Ты узнал что-нибудь?

– Да. Но мне не хотелось бы по телефону...

– Мне тоже. Сделаем вот что: я сейчас поеду в сторону Янтарного и встречу тебя где-нибудь на трассе.

– В Янтарный?! – удивился Олег. – Зачем?

– Ты покажешь это место.

Олег помолчал.

– Ты что, уснул?– спросил Валдис.

– Как-то все это очень неожиданно... Ну ладно, поехали в Янтарный.

Только мне придется заехать за Дианой.

– Без нее нельзя?

Олег вздохнул:

– Она меня и так со свету сживает.

– Понятно. Тогда тебе понадобится еще полчаса. Хорошо, подожду.

Валдис зашел в кафе при магазине автомобилей и спросил несколько бутербродов с балтийским лососем и литровый пакет “Мультивитамина”.

По окружной он доехал до северо-западного шоссе, спустился на него и доехал до Переславского, после которого дорога разламывалась на север и запад. Сразу за железнодорожным переездом стоял дом, возле которого можно было стоять, не бросаясь в глаза, и одновременно наблюдать за дорогой. Валдис выключил двигатель, отодвинул подальше кресло и, закинув ноги на панель приборов, принялся за бутерброды. Минут через сорок появился “Сааб” Ремизова. Валдис включил зажигание и вырулил вслед за ним.

Олег заметил его перед развилкой, когда притормозил, пропуская “КАМАЗ”, выезжавший со стороны Раушена.

– Черт!– сказал он, глядя в зеркало заднего вида.– Откуда он взялся?

– Кто?– спросила Диана.

– Валдис.

– А где он?

– Сзади нас,– сказал Олег, трогаясь с места.

Диана обернулась и посмотрела в заднее стекло.

– Кто он такой?– спросила она, разглядывая черный БМВ с затемненными стеклами, следующий за ними, как на веревочке. – Бандит?

– Пожалуй. Только очень профессиональный. Так что и бандитом уже не назовешь. Скорее – наемником.

– Ты хочешь сказать, что он никого не ограбил?

– Думаю, что нет.

– И не убил?

– Вот за это я не могу поручиться.

– Чем же он занимается?

– Видишь ли, сейчас у нас спокойно, но были времена, когда для того, чтобы отбиться от уголовников, приходилось нанимать таких, как он. Я с ним так и познакомился. Никто не знает, где он живет. Никто не знает даже, как его зовут на самом деле. Вряд ли Валдис – его настоящее имя.

Олег замолчал. Дорога становилась все хуже, и ему пришлось переключить на нее все внимание.

Диана не мешала ему. Она сидела и думала о том, что если Сашу действительно кто-то убил, то это сделал такой, как этот... Валдис. У которого, возможно, где-то есть семья, дети, любящая жена. Вот он говорит им, что едет в команди-

ровку, садится в свой черный БМВ примерным семьянином, переезжает границу и становится волком – одиночкой, убийцей, хладнокровно выслеживающим жертву. Потом он приезжает домой и покупает детям конфеты на деньги, полученные за чью-то жизнь.

“А что он собирается делать сейчас?” – подумала Диана.

– Для чего ты нанял его?

– Кого?

Олег тщательно объезжал очередную яму.

– Этого... Валдиса.

– Я его еще не нанял. Он же пока не дал согласия.

– А если согласится? Что он будет делать? Кого-то выследит и убьет?

– Я не понимаю, ты к – чему?

– Я спрашиваю: ты что, заплатишь ему деньги, чтобы он кого-то убил?

Олег изумленно посмотрел на нее, из-за этого угодил в колдобину и, выругавшись, выправил машину. Они подъезжали к Янтарному. Оставалось миновать переезд, а дальше в городке власти настелили новый асфальт. Олег облегченно вздохнул, въезжая на него.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил он.

– Не знаю.

– Ты устроила мне скандал, заставила вызвать Валдиса, пресмыкаться перед ментами, выпрашивая что-то, чего я и сам не знаю. Я уже несколько дней не видел жены, пото-

му что прихожу ночью, забросил работу. Все это – по твоей прихоти.

– Из-за еврейской подозрительности,– сказала Диана.

– Что?

– Ничего. Смотри за дорогой.

“Твоя еврейская подозрительность... – говорил Саша”, – подумала она.

Олег злился, но молчал.

“К чертовой матери!– думал он.– Что мне – больше всех надо? Сейчас Валдис скажет, что ничего не нашел, а он, наверняка, так и скажет, и вся возня на этом закончится. Все ее подозрения высосаны из пальца. Ничего за этим нет. Кому он к черту нужен был, Александр Львович?”

Он посмотрел на БМВ. Тот по-прежнему шел, как приклеенный, хотя Янтарный кончился, и опять начались ямы и колдобины.

– Хорошо водит, подлец,– вслух подумал Олег.

Они выбрались из-под сосен и, не сворачивая в Синявино, поехали грунтовой дорогой вдоль моря. Собственно это была не дорога, а колея, которую каждое лето накатывали любители диких пляжей этой части взморья. Почва была песчаной и потому достаточно ровной, так что следить приходилось больше не за колесами, а за тем, как бы заросли облепили и шиповника по краям колеи не оцарапали бока машины.

Когда они добрались до места, оказалось, что оно уже занято парой “Опелей”. Машины пришлось ставить вплотную

к тем, что были на полянке.

– Тут же могли быть свидетели,– сказал Валдис, когда огляделся, подошел к Олегу и протянул руку для приветствия. Диана осталась в машине.

Олег покачал головой:

– В тот день их не оказалось. Машину нашли утром, там внизу, на пляже, ловцы янтаря. Обычно, уже на рассвете, они бродят вдоль прибоа.

– Когда он сюда приехал?

– Второго июня.

– Меня интересует время.

– Не знаю. Сразу после работы.

– Он не мог куда-нибудь заехать? Выпить, например.

– Алкоголь не обнаружили.

Валдис покосился на Диану. Та сидела в “Саабе” и курила, упершись застывшим взглядом в лобовое стекло.

– У него подруги не было?– тихо спросил Валдис.

– Нет. Я бы об этом знал.

– Ты с ментами разговаривал?

– Да. Ничего похожего. То есть, головы отрезали, ну, знаешь – расчленение, когда запихивают в мешок и топят в озере?

Валдис кивнул.

– Но так, чтобы на заказ – бритвой по горлу, да потом в машину, а ее столкнуть с обрыва... Говорят, больно мудрено.

– И глупо. Кто-нибудь может увидеть, как ты бегаешь с

трупом. Никто из профессионалов не станет устраивать такой спектакль. Кроме того, я тоже навел справки, похоже, не было такого заказа. Это, конечно, не стопроцентная уверенность, но заслуживающая внимания. Кстати, ты мне уже должен сто пятьдесят долларов.

Олег вытащил бумажник и отсчитал три купюры. Он хотел сунуть бумажник в карман, но замешкался и спросил:

– Сюда входит твой гонорар?

– Пока нет. Только бензин, сосиски и информация. Это все, что ты узнал у ментов?

– Вроде все.

Они стояли у края обрыва и смотрели вниз. Место, где сползла машина, было хорошо видно по полосе измочаленных, вырванных с корнем кустарников облепихи, и свежим залысинам песка.

– Что-то здесь не сходится, а я никак не пойму – что? – сказал Валдис. – Давай сначала. Во сколько он ушел с работы?

– Около семи.

– Какая у него была машина?

– “Кадет”. Старый, восьмидесятых годов.

– Я засекал время, мы ехали сюда около часа. Положим, на “Кадете” ему понадобилось полтора часа. Значит, он был здесь в полдевятого.

Валдис посмотрел на солнце.

– Две недели назад оно было немного ниже, чем сейчас,

но все-таки было. Допустим, подъехав, он не сразу прыгнул вниз, а поставил машину, как все нормальные люди. Чтобы он сделал дальше?

– Понятия не имею.

– Он постарался бы спуститься на пляж, как все нормальные люди – не в машине. Интересно, как они туда попали?– спросил Валдис, кивая на резвящихся в море людей.

– Я знаю, где спуск.

– Пошли. А дама не хочет составить нам компанию?

– Она сегодня не в духе.

– Ее можно понять.

Когда они спускались, им встретилась молодая парочка, поднимавшаяся наверх, и Валдису с Олегом пришлось посторониться, балансируя на шаткой кочке, поросшей травой. Спустившись, они оглядели пляж, подошли к тому месту, где собиратели янтаря нашли машину. Оно было заметно издалека по сверкавшим кристалликам стекла. Ничего интересного обнаружить не удалось.

Валдис подошел к морю и намочил руки.

– Холодная,– сказал он.

– Ну и что?– спросил Олег.

– Я говорю – вода холодная. А люди все равно купаются.

А в той стороне Брустерорт? Донское?

– Донское. Ну и что?

– Там какие-то люди бродят.

– Ты можешь говорить как-нибудь так, чтобы это было по-

нятно не только тебе?

– Мне тоже ничего не понятно. Ты просто представь себе, что вот сейчас подъехала машина к краю обрыва, гробанулась оттуда, и этого никто не заметил. Ну, хорошо, не сейчас, пусть на час позже, пусть это было две недели назад, и солнце стояло на пару градусов ниже. Но ведь его нашли только утром!

Олег, в который уже раз посмотрел на то место, откуда упал “Кадет” Саши Ливенталья.

– Пошли отсюда,– сказал Валдис.– Тут мы вряд ли что-то найдем.

Они поднялись наверх.

– Так ты берешься за это дело?– спросил Олег, пока они шли к машинам.

– Не знаю. Я не сыскарь и не цыганка, загадки – не моя работа. Мне нужно подумать. Завтра я позвоню.

Диана выставила боковое зеркало со своей стороны так, чтобы видеть то, что делается за “Саабом”, и, когда они проезжали Янтарный, заметила, как БМВ свернул в сторону.

– Он свернул,– сказала она.

– Я видел.

– Куда?

– Он мне не докладывал.

– А разве ты теперь не его начальник? Ты же платил ему, я видела.

– Во-первых, я ему ничего не платил, а только отдал день-

ги, которые он потратил на то, чтобы добыть информацию по делу, что ты затеяла. А во-вторых, у него не бывает начальников, потому что он никогда не берет деньги вперед и может, кого угодно послать, если ему что-то в работе не понравится.

Диана промолчала. Она молчала и дальше всю дорогу до самого дома.

У Олега тоже не было желания беседовать с ней.

8

Валдис доехал только до Варникена. Пройдя первый поворот, круто уходящий вниз, через овраг, он притормозил, съехав на обочину, к огромным древним дубам, растущим здесь еще со времен Ордена. Вытащил сигарету, прикурил, круто развернул машину и помчался назад, в сторону Янтарного, превышая сотенную отметку на спидометре. Валдис торопился – с востока напоздали сумерки, а ему нужно было их опередить. До сих пор его мучило сосущее чувство какой-то недостаточности. Он знал, что чего-то там, у моря, не сделал, недосмотрел. И только когда увидел овраг у Варникена, понял, что упустил. Там, у моря, был овраг. Гораздо более глубокий и темный, чем варникенский. А он, Валдис, был настолько туп, что не удосужился его обшарить. Он крыл себя последними словами. Такая халява, будь он на работе, могла обойтись ему очень дорого.

Была еще одна оплошность. Когда они уезжали от обрыва, он заметил дорогу, идущую через поле прямо от моря, на восток. Он подозревал, что она выходила к брусчатке, соединяющей Янтарный с Брустерортом. Если б он полюбопытствовал, в каком именно месте она выходит, то сейчас сократил бы путь вдвое. А так пришлось ехать до Синявино и там добираться тем же проселком, что и в первый раз. Валдис был очень зол на себя.

Оставив машину на пустой уже полянке, он побежал к спуску на пляж.

Было около девяти. Солнце еще не завалилось за море на шведскую сторону, и на серо-зеленой глади сверкала золотая лужа от него.

Валдис обошел плотную стену морщинистого шиповника и вошел в заросли, напомнившие ему детские представления о джунглях. Казалось, растения сюда свалили из огромного самосвала, не заботясь об их соответствии друг другу. Поросль дуба, ольхи и сосны вперемешку пробивалась сквозь облепиху, растущую бок о бок с гигантскими папоротниками. Тут же, нарушая все природные табу, белели березы и дрожали мелкими листьями карликовые клены, цвели малина и ежевика. И было очень тихо.

Зная, что ни один человек, будь он даже маньяком-убийцей, не полезет в ежевику или облепиху, если не захочет ягод, Валдис выбирал более или менее свободные для прохода места, и внимательно оглядывал землю под ногами. К сожалению, она была сильно истоптана козьими и кабаньими копытами, для того, чтобы на ней хоть что-то можно было обнаружить. Он прошел по дну оврага до того места, где тот круто уходил вверх. Оглядел его склоны, прикинул, хочется ли ему туда лезть? Нет, не хотелось. Значит у Саши Ливенталя, бывшего здесь на прогулке, тем более этого желания не могло возникнуть. Валдис повернул, все так же изучая почву и окрестные кусты.

Выход из оврага уже светился морем сквозь деревья. Валдис остановился на небольшом пяточке, свободном от кустарника, и в последний раз окинул взглядом все, что мог видеть. На всякий случай. Хотя бы для того, чтобы потом можно было детально вспомнить. И тут ему показалось, что за ветками что-то блеснуло. Он посмотрел туда, но ничего не увидел. Тогда он повел головой в одну, потом в другую сторону, слегка присел, и поймал тот маленький солнечный зайчик, который привлек его внимание. Заметив место, откуда он пробивался, Валдис сделал только два шага и насторожился. Где-то сзади хрустнула ветка. Он всем нутром почувствовал, как тот, кто был сзади, тоже замер, не решаясь сделать следующий шаг. Валдису сунул руку в карман и повернулся. Никого не было видно, но он чуть ли не кожей ощущал чье-то затаенное дыхание.

Туго щелкнул нож, выбросив наружу лезвие. Валдис, держа его наготове, сделал несколько мелких, но нарочито шумных шагов вперед. И вдруг желтые пятна, которые он принимал за солнечные блики на листьях, сдвинулись разом ближе к нему и превратились в крупную рыжую собаку, лоснящуюся упругими мышцами под короткой шерстью.

Валдис не любил собак. Он в них разбирался, и даже лучше многих собаководов, питал уважение к некоторым породам, например к немецкой овчарке, но любви к зверю у него не было. Слишком часто они оказывались врагами.

В этой собаке было что-то необычное. Валдис чувствовал

ее враждебность, но по внешним признакам это определить было нельзя. Ее желтые глаза были холодны, и казалось, безразличны, но тело было готово в любое мгновение развернуться пружиной, как у опытного уличного бойца.

Они стояли друг против друга, не двигаясь, а их мозги молниеносно и хладнокровно просчитывали возможные варианты нападения и защиты, как вдруг оба одновременно поняли, что любое неосторожное движение может стать для каждого из них последним. И оба облегченно вздохнули, когда с треском кустов послышался крик:

– Санксти!

Валдис не убрал лезвие, но опустил руку с ножом. Собака села, не сводя с Валдиса глаз. Старик с пегими волосами подошел и схватил собаку за холку.

– Ты что тут делаешь?– зло спросил он.

Псина тихо огрызнулась, но повернулась и пошла к выходу из оврага. Это была сука. Теперь, сбоку, Валдис смог разглядеть. Красивая сильная собака неопределенной породы.

Старик посмотрел на Валдиса, ожидая, что он что-нибудь скажет, но Валдис молчал, и тот пошел за своей собакой. Валдис подождал, пока они уйдут, и вернулся к тому месту, где что-то блестело.

Это были очки с одним зеркально-коричневым стеклом и неестественно вывернутыми дужками. Осколки другого стекла валялись тут же. Валдис присел, изучая почву вокруг и прислушался к тому, как старик ругает собаку. Слов Вал-

дис не разобрал, но обратил внимание на странный акцент – не то жемайтский, не то латгальский.

Валдис достал носовой платок, собрал в него трофей и пошел к машине.

У Олега Ремизова было двое детей. Мальчик – пятнадцать, и девочка – четырнадцать лет. С мальчиком не было проблем. Свободное время он проводил с друзьями или вместе с ними в своей комнате, большей частью за компьютерными играми. Но девочка!.. Когда в двенадцать лет она занялась женским футболом, это вызвало восторги в семье. В тринадцать она увлеклась еще и каратэ, и за это ее тоже похвалили. Через полгода ее мама, обнаружив в кармане дочери пачку сигарет, не придавала этому большого значения. Не может же целеустремленная девочка–спортсменка всерьез курить! Короче говоря, кончилось тем, что Катя по пьянке приняла активное участие в уничтожении оконных стекол детского сада. Садик был престижным, и супруге Ремизова, скрывавшей до сих пор от мужа мелкие шалости дочери, не удалось замять скандал. На Олега Ремизова свалилось все сразу – странная катастрофа Саши Ливенталя, разборки с его женой, улаживание отношений с детским садом и милицией, и поиски средств на латание очередной финансовой дыры в фирме. В одиннадцать вечера он только что закончил спаивать зам. начальника милиции Центрального района и у него появилась если не уверенность, то четкая надежда на благоприятный исход дела с детским садом. Он сел в любимое кресло перед телевизором, и прищуренным хмельным

взглядом стал следить за тем, как два популярных политических лидера за столом у не менее популярного телеведущего выкрикивают бессмысленности и зачем-то обливают друг друга чаем из стаканов. Потом Ремизов решил, что это не политические лидеры, а клоуны, которые только их из себя представляют. Но, заметив, как натурально оба они брызжут слюной, Ремизов стал сомневаться в своем выводе. Окончательно разобраться в этом представлении ему помешал телефонный звонок. Ремизов, бормоча, что давно пора было разбить этот аппарат, поплелся к телефону.

– Олег?– спросил телефон.

– Да,– сказал Ремизов, а хотелось ему сказать: “Какого еще черта?..”

– Это Валдис. Твой приятель носил темные очки?

– Все мы их когда-нибудь носим,– пробормотал Ремизов.

– Ты что, пьян?– спросил Валдис.

– Извини. Сейчас. Я попробую вспомнить. Он не носил, но ездил в них на машине. Я, впрочем, тоже только в машине их надеваю.

– Твои очки меня меньше интересуют. Ты видел протокол осмотра машины?

– Видел.

– Там были очки?

– Не помню. Там много чего было... И потом, сама ситуация, знаешь ли, не способствовала тренировке памяти.

– Хорошо,– сказал Валдис.– Одевайся. Минут через пят-

надцать я буду ждать тебя в машине у твоего подъезда.

– Эй!– сказал Ремизов.– Я не... – и осекся. В трубке были гудки.

– Да что же это за наказание?– спросил Ремизов у гравюры, изображавшей заснеженную Юнкерштрассе старого Кёнигсберга. И тут Олег Ремизов задал себе свой самый идиотский вопрос в жизни:

– Как он может ждать меня у подъезда, если не знает, где я живу?

То, что вопрос идиотский, он понял по наступившей вдруг трезвости и щекотанию струйки холодного пота на спине.

– А как он узнал мой номер телефона?– прошептал Ремизов.

До сегодняшнего дня он считал эти сведения засекреченными. И квартира, и телефон были записаны на жену, а у нее была совсем другая фамилия.

Через десять минут почти трезвый Ремизов нервно курил, прогуливаясь у своего подъезда. Еще через три минуты подъехал черный двухдверный БМВ.

Ремизов смотрел на очки, лежавшие на носовом платке у него на коленях, и думал о том, что их было бы куда проще опознать на лице хозяина.

– Похоже,– сказал он.– Но ведь я никогда их не разглядывал. Да и в таком виде их трудно узнать. Где ты их взял?

– Там, у моря. Я потом вернулся и еще раз все осмотрел.

Поехали?

– Куда?

– К Диане. Где она живет?

– Мне бы сейчас выпить, – сказал Ремизов.

Валдис вытащил из-под сиденья плоскую фляжку из нержавеющей стали в кожаном чехле, и подал Олегу. Тот открутил пробку, понюхал содержимое и отхлебнул порядочный глоток.

– По Красной – направо, – сказал он. – А потом я покажу.

Диана встретила их сурово.

– От тебя несет, как от пивного ларька, – сказала она Ремизову, с явной неохотой впуская их в квартиру.

– Мы к тебе по делу, – сказал, оправдываясь, Ремизов, и уселся на диван.

Диана, прислонясь к дверному косяку, стояла на одной ноге со скрещенными на груди руками, и была похожа на зеленую птицу. Она была плотно задрапирована в зеленый махровый халат, и Валдис впервые заметил, какие зеленые у нее глаза. С густыми черными волосами это было красиво.

– Ты бы нам дала рюмки, что ли? – попросил Ремизов. Не зная, куда девать фляжку, он перекладывал ее из руки в руку.

Она подошла к шкафу, вынула две маленькие рюмки и поставила их на стол. Потом кивнула на фляжку, из которой Олег уже начал разливать.

– Это и есть ваше дело?

– Нет, – сказал Валдис. – Олег сказал мне, что Ваш муж

ездил на машине в темных очках. Это так?

– Какое это теперь имеет значение?

– Имеет.

– Да, ездил.

– Вспомните, где-нибудь в протоколах, или еще в каких бумагах, тех, что Вам предъявляла милиция, эти очки мелькали?

– Какие там очки... Не помню.

– Я думаю, Вам нужно выпить, – сказал Валдис.

Она удивленно посмотрела на него. Потом, помедлив, направилась к шкафу.

– Не надо больше рюмок, – сказал Валдис. – Возьмите эту. Я не буду пить.

Она взяла рюмку, и села напротив через стол в неглубокое кресло, обитое красной тканью.

– Что это? – спросила Диана, глядя в рюмку.

– Коньяк, – подал голос Ремизов, наливая себе вторую.

– Плохо, что Вы не помните, были ли в машине очки? – сказал Валдис.

Диана пожала плечами и выпила, морщась. Валдис положил на стол носовой платок и развернул его. Она посмотрела на очки, потом вопрошающе на Валдиса, снова на очки, и вдруг ресницы ее дрогнули, а матовая кожа лица стала еще бледнее.

– Где ты это взял? – спросила она, не поднимая головы.

– Это его очки?

Она кивнула.

– Вы уверены?

– Я их покупала. На рынке, еще год назад, когда мы приехали сюда. Где Вы их взяли?

– Так, – сказал Валдис. – Нам нужно кое с чем разобраться.

Он встал с дивана, подошел к окну и посмотрел вниз, на темный пустынный двор, обрамленный разноцветными спинами автомобилей.

– Я нашел эти очки вовсе не там, где они должны были лежать. Но я не уверен, что Вам хотелось бы знать, где я их обнаружил. Я вообще сомневаюсь, что в этой комнате есть кто-то, кому хотелось бы, на самом деле, узнать что произошло?

Он, наконец, оторвался от созерцания двора, повернулся и посмотрел на Олега и Диану. Олег сосредоточенно изучал дно рюмки, а Диана трогала длинным пальцем осколки стекла от очков на носовом платке.

– Там есть овраг, на который мы не обратили внимания. Я, когда уезжал, вспомнил о нем и решил, пока недалеко отъехал, вернуться и осмотреть его. Вот там и были эти очки.

– Может, он просто потерял их? – сказал Олег.

– После того, как нырнул в машине с обрыва?

Диана вдруг вскочила и выбежала из комнаты.

– Или до того, – сказал Олег, наливая себе рюмку.

– Я должен сказать тебе, что мне не нравится эта работа, – сказал Валдис.

– Значит его все-таки... – Олег хмыкнул. – Веселая история.

– Та наводка, что ты мне дал, ничего не стоит. Или старые дела или компании, отошедшие от дел. Ты от меня ничего не скрыл?

Олег махнул рукой:

– Куда нам!.. В последнее время мои дела идут совсем не так хорошо, как хотелось бы. Все – абсолютно легально.

– Знаю.

– А раз знаешь, чего спрашиваешь?

– Потому что не понимаю, кому нужно было его убирать? Чем он занимался до переезда в Кёнигсберг?

– Учительствовал.

– Это – вообще ни в какие ворота. Я подумал, было, что его достали оттуда, где он раньше жил. А, кстати, где они жили?

– В Житомире, – сказала Диана, входя в комнату.

Она переоделась. На ней были джинсы и белая трикотажная блузка с китайским узором. Она подошла к Олегу, отняла у него фляжку и поболтала ею в воздухе. Фляжка была пустой, и она бросила ее Олегу на колени.

– Я еду с вами, – сказала Диана.

– Куда? – спросил Ремизов.

– Мне все равно.

Глаза у нее были красными. Похоже было, что она плакала, но потом умылась, и это придало ей решительности.

– Я поеду с вами,– упрямо повторила она.– Если вы собираетесь на край света, это было бы лучше всего. Но если вы поедете в публичный дом, я – тоже.

– Диана... – сладким голосом начал Ремизов.

– Заткнись!– крикнула она.– Я тебя ненавижу! Ты мне отвратителен! А этого наемного убийцу я просто боюсь! Но лучше смотреть на ваши мерзкие рожи, чем ждать, когда выключится телевизор и остаться одной в этой клетке! Если вы меня не возьмете, я пойду сама.

– А никто ведь не возражает,– спокойно сказал Валдис.

Оба – Диана и Олег, с разной степенью изумления уставились на него.

– Нет, ребята,– протянул Ремизов.– Вы – люди вольные, а я в будние дни в такие игры не играю. У меня фирма на шее. Вы уж меня до дому доставьте, а там, хоть действительно – на край света.

Они доехали до дома Ремизова, и когда Олег, почему-то изрядно охмелевший, выбрался из машины, Валдис вышел вслед за ним, провел его до подъезда и сказал:

– Сделаем так. Вы все обдумаете, как следует, особенно ты, может, вспомнишь что-нибудь, может что-то само собой прояснится, а потом я подъеду или позвоню, и тогда уже будем решать.

– Как ты вычислил мой телефон? И адрес? Где ты их раздобыл?

– Олег, тебе будет спокойнее спать, если ты этого не узна-

ешь,— сказал Валдис.— Тебе ведь нужно выспаться?

Ремизов стоял и смотрел, как Валдис идет к машине, садится в нее, заводит двигатель, и только когда БМВ тронулся, он повернулся и вошел в подъезд.

10

– Куда мы едем?– спросила Диана.

– Понятия не имею. Я думал, Вы знаете.

– Может, мы пойдем, посидим где-нибудь?

– Я предпочитаю обходить злачные места этого города.

Валдис выруливал к парку королевы Луизы. Свернув на стоянку перед универмагом, он остановил машину и выключил двигатель.

– Вы посидите,– сказал он Диане. – Подумайте, а я выйду на секунду.

– Я с Вами.

– Я только дойду до палаток, возьму сигарет и чего-нибудь перекусить, и вернусь.

– Я тоже пойду.

– Вы думаете, я сбегу и оставлю Вас в своей машине?

Диана молча открыла дверь и вышла.

Выбора у них не было, в это время работала только одна палатка.

Валдис взял пять коробок разного печенья, пачку “Мультивитамина”, упаковку пива, бутылку “Белого аиста”, два пластмассовых стаканчика и блок “ХБ”. Коньяк он открыл, поводит горлышком у носа, закупорил и попросил у барышни-продавщицы еще две бутылки.

Они уже уходили, когда Валдис заметил что-то на витрине

и вернулся.

– Это у вас испанское вино?– спросил он у продавщицы, указывая на коробку.

– Французское.

– Красное?

– Да. Даже слишком.

– Вино, барышня, не бывает слишком красным,– сказал Валдис, передавая ей деньги.

В это время мимо проходил какой-то мужик в джинсовой куртке. Услышав Валдиса, он вдруг остановился, будто наткнулся на что-то, и стал медленно подходить к палатке. Диана смотрела, как меняется его лицо по мере того, как он приближается. Казалось, что он увидел привидение.

– Андрей?– спросил он тихо, будто у самого себя.

Валдис взял вино, положил его в пакет и, не обращая внимания на мужика, повернулся к Диане.

– Я купил все, что хотел, – сказал он.– Вам ничего не нужно?

– Андрей!– позвал мужик, стоя уже вплотную к Валдису.

Диана видела, как напряглось лицо Валдиса, но вел он себя так, словно ничего не слышал.

– Пойдем?– спросил он ее.

Мужик взял его за плечо, и Валдису пришлось обернуться.

– Вы ко мне?– спросил он мужика.

– Андрей, ты... – сказал мужик и тут же охнул, и присел,

схватившись за ногу.

– О, простите!– сказал Валдис с сожалением.– Честное слово, я не хотел Вас задеть. Это пакет – он битком набит бутылками. Извините еще раз...

И пошел прочь. Диане, задержавшейся возле стонущего мужика, припавшего на колени у палатки, пришлось едва ли не бежать за Валдисом.

Она видела, как, открывая БМВ, он мельком глянул в сторону ряда палаток. Диана тоже посмотрела. Мужика не было видно. Они сели в машину. Валдис достал бутылку коньяка, налил в стаканчик и протянул Диане. Потом открыл пачку печенья, положил перед ней на полочку и стал переливать коньяк из бутылки во фляжку.

– Кто это был?– спросила она, все еще не решаясь выпить. В стакане было много коньяка, больше половины, и ей очень хотелось выпить все сразу, но она никогда не пила такими дозами.

– Тот, у киоска? Не знаю. Обознался кто-то спьяну. В это время трезвые по улицам не ходят.

Она выпила, и сначала коньяк перехватил дыхание у нее в горле и вышиб слезы, но потом она почувствовала приятную горячую волну, разбегающуюся изнутри по телу. Валдис протянул сигарету и огонек зажигалки. Она закурила, хотя во рту у нее уже было печенье. И все это вместе – коньяк, печенье с шоколадным привкусом и сигаретный дым – неожиданно оказалось вкусно.

В бутылке оставался еще коньяк, и Валдис весь его вылил ей в стакан. Но теперь уже она отпила небольшой глоток. Они сидели и молча разглядывали редких прохожих, большей частью бывших навеселе.

– Извини,– сказала она.

– За что?

– За “мерзкую рожу”.

Он не ответил. Диана была уже слегка пьяна, и потому хотела возмутиться тем, что он даже не соизволил ей ответить. Она тут перед ним извиняется, а он, видите ли... Как вдруг Валдис схватил ее за шею и сильно дернул вниз, пригибая к полу так, что у нее хрустнуло между лопаток. Над головой что-то лопнуло и посыпалось горохом. И только тогда она испугалась, и хотела вырваться и закричать, но он уже отпустил ее. Диана выпрямилась и первое, что увидела – широкую приземистую фигуру, которая, семена короткими ногами, быстро удалялась в сторону проспекта. Машина задом рванулась с места. Диану бросило сначала грудью на печенье, а потом швырнуло и прижало к спинке сиденья. БМВ, взревев, бросился за коротышкой. Но тот уже запрыгивал в большой белый джип, сразу на большой скорости, помчавшийся по проспекту. Валдис какое-то время ехал за ним, но не очень быстро, и вскоре, заехав правой стороной на велосипедную дорожку, остановился. И тут Диана увидела в лобовом стекле напротив Валдиса большую дыру с разбегающей от нее паутиной трещин.

– О, Господи!– сказала она и посмотрела на Валдиса.

Тот зубами достал из пачки сигарету, задумчиво глядя вдоль проспекта.

– Что это было?– спросила Диана.

– Не знаю,– сказал Валдис.– Но постараюсь узнать.

Он наклонился вперед, повернулся и посмотрел на спинку своего сиденья. В нем темнели три аккуратных дырочки.

Приборная панель была усыпана крошками стекла. Они же хрустели и под ногами. Валдис вышел из машины, открыл багажник, взял из него щетку и стал смахивать стеклянные кубики с сиденья.

– Советую Вам сделать то же самое,– сказал он, передавая Диане щетку.

Она встала и вычистила свое кресло. То, что блузка у нее мокрая, заметила, когда уже устроилась в машине и закрыла дверь.

– У меня есть куртка, если хотите, можете переодеться,– сказал Валдис, не глядя на нее.

Блузка прилипла к животу, но гораздо неприятнее было то, что от нее разило коньяком. Диана согласилась. Валдис опять сходил к багажнику и, не садясь в машину, передал ей кожаную куртку, а сам, закрыв дверь, отошел за крышку открытого багажника. Переодевшись, Диана открыла дверь и позвала его.

– Я вот о чем думаю,– сказал Валдис, поворачивая ключ зажигания.– Две загадки за один день, не многовато ли?

– Куда мы едем?– спросила Диана.

– Вам разве домой еще не хочется?

– Нет, не хочется.

Валдис пристально посмотрел на нее.

– Я думал, Вам уже хватило впечатлений.

– Как тебя зовут?– спросила вдруг она.

Валдис включил левый поворот и вывел машину на дорогу. Ехал он медленно, потому что в дыру сильно дуло, да и множество трещин на стекле, отражая свет встречных машин, преломляли его и искажали пространство, распадающееся на сотни фрагментов. Диана пыталась заговорить с Валдисом, но он, сосредоточившись на дороге, отвечал односложно, и скоро она ушла в себя. Хмель уже почти выветрился, и понемногу к ней подбиралась вся та гадость, от которой так хотелось избавиться. Она начала нервничать. Ей уже требовалось обругать кого-нибудь, а поскольку Валдис был рядом, у нее язык чесался сказать ему дерзость. Но каждый раз, когда она оборачивалась к нему и видела его хмурое жесткое лицо с плотно сжатыми губами, это желание откладывалось. Так они доехали до поворота на Циммербуде, хотя Диана этого не знала, поскольку никогда здесь не была. Проехали по широкой, но скверной дороге в город, и здесь с Дианой стали происходить странные вещи. Ей казалось, что она спит. Даже не так. Скорее, она не спала, потому что знала, что бодрствует, но едет сквозь сон. В мощной верткой машине, которой в ее прошлой жизни никогда не было, с чело-

веком, которого она раньше не знала, она мчалась по улице, знакомой ей с детства. Эти две полосы, разделенные широкой клумбой с большими красными цветами, стройные ряды пирамидальных тополей, скрывающие милые коробки четырехэтажных “хрущевок”, в которых она провела детство, все это обвалилось на нее облаком невнятных чувств, и она уже ждала, что вот за тем домом она увидит свою школу. Но школы не было, и это немного отрезвило ее. Она поняла, что находится вовсе не в родном городе – но где? В Одессе? В Тирасполе? В Виннице? Она перестала понимать, что более призрачно – эта машина с только что разбитым стеклом, и суровым светловолосым человеком совсем не южного типа за рулем, или родной советский Ленин с вздернутой рукой на маленькой площади среди прямоугольных домов с плоскими крышами?

Циммербуде кончился, они въехали под сосны, и это чужое Диане дерево дало ей немного прийти в себя.

Она хотела спросить Валдиса, что за место они сейчас проехали? Но не спросила. Побоялась разрушить иллюзию.

Машина повернула в узкую улочку, и остановилась у дома, где от калитки шла асфальтовая дорожка, укрытая аркой виноградника.

Валдис исчез в темноте у дома. Потом в арке загорелся свет, Валдис вернулся, сел в машину и подрулил к воротам. Высокий плотный человек в футболке, джинсах и шлепанцах на босу ногу открыл ворота, и БМВ проехал на зады до-

ма к неожиданно большому гаражу, в котором уже стояли две машины, одна – полуразобранная, чернеющая внутренностями.

Диана еще немного посидела в машине, глядя, как вполголоса, поглядывая на разбитое стекло, разговаривают мужчины. Она вдруг увидела, что они старше нее. И конечно эти люди с холодными лицами были старше наивного смешливого Саши. Строгий холодный город... Люди с бесстрастными, лишенными живых эмоций, лицами... Люди, которые говорят вполголоса даже на рынке, и вежливо улыбаются удачной шутке вместо того, чтобы хохотать до слез, как это делают в других краях...

Она вышла из машины, и мужчины замолчали. Оттого, что все сказано, или потому, что появились лишние уши? Валдис протянул ей сигареты. Она прикурила от его медной зажигалки и тоже посмотрела на пролом в стекле. На спинке сиденья отчетливо чернели три круглых дырки. Диана пригляделась и увидела, что еще одна дырка была повыше, в подголовнике. И вдруг до нее дошло, что значили эти дыры. Она поняла, чем они были сделаны! Дым от сигареты сдвигал ей горло.

– Надо будет постелить в салоне пленку, что б легче было собрать крошки, – сказал мужик в футболке.

«Это что?» – хотела спросить Диана, указывая пальцем на разбитое стекло, но задохнулась. В глазах стало темно, и через мгновение она услышала свой собственный голос:

– Сволочи!– кричала она.– Проклятые деревянные куклы!..– и поняла, что вцепилась в рубашку Валдиса, и рубашка ползет под ее ногтями, а сам Валдис молча смотрит на нее холодными серыми глазами, и стало еще темнее, а потом – зябко, а язык и горло обожгло.

Сначала она увидела что-то блестящее и поняла, что это железная фляжка, которую Валдис держит, заливая ей в рот коньяк. Потом увидела, что сидит на полу гаража, прислонившись к его стене, и почувствовала, как по лицу стекают и падают на грудь холодные капли воды. Она посмотрела вниз и обнаружила, что молния на куртке расстегнута до пояса, а вывалившиеся груди покрыты мерзлыми пупырышками и светятся голубоватой белизной. Диана испуганно запахла куртку и что-то сказала, но, кажется, не вслух, потому что Валдис спросил:

– Что?

Из-за разобранной машины появилась щуплая женщина в застиранном домашнем халате с чашкой вонючей жидкости в руке, которую она тут же стала подсовывать Диане ко рту.

– Не хочу,– сказала Диана и помотала головой.

– Не надо,– Валдис рукой отстранил женщину.– У нее, кажется, все прошло. На, отхлебни-ка еще немного.

Он протянул фляжку, и она попыталась взять ее, но рука пошла куда-то не в ту сторону, и тогда Валдис сам влил ей в рот немного коньяка.

– Ну?– заглядывая ей в лицо, спросил мужик в футболке.–

Как она?

Диана подумала, что этот мужик уже не брился дня три. И еще она увидела, какое встревоженное у него лицо. И у всех них – какие озабоченные лица!?! Неужели обязательно нужно шлепнуться в обморок, чтобы расшевелить этих людей? Ей стало смешно. Надо повеситься, чтобы вызвать участие на их дубовых лицах... Очень смешно!..

– Черт! У нее истерика,– услышала Диана голос Валдиса.

Она сама понимала, что у нее истерика, но остановиться не могла. Она все смеялась и смеялась. Ей казались смешными эти встревоженные физиономии, еще пару минут назад такие безмятежные.

В голове у нее взорвалось, она схватилась за вспыхнувшую щеку и с изумлением посмотрела на того, кто ее ударил. На первого человека, осмелившегося поднять на нее руку.

– Ты что, обалдел?– спросила она Валдиса.– Как ты смеешь?..

– Вставай,– жестко сказал он.– Тут цементный пол. Ты простудишь задницу.

– Ты – хам!– сказала Диана.

– Я знаю. Поднимайся.

– Кто ты такой, чтобы мне приказывать?– спросила Диана.

Валдис улыбнулся, а женщина с чашкой в руке тихо расмеялась.

– Дураки!– сказала Диана, поднимаясь с пола. Он действительно был холодным, теперь она это чувствовала.

– Застегни куртку,– сказал Валдис.

Гуськом по дорожке, выложенной белым кирпичом, они пошли к дому. Уже перед самой дверью он тихо сказал ей:

– У тебя красивая грудь.

“Хорошо, что темно,– подумала Диана,– и он не видит, как я краснею”.

Через полчаса она сидела на табуретке, в углу просто обставленной кухни, держала в руках большую чашку с горячим красным вином и слушала, как Игорь – так звали мужика в футболке – рассказывает о мытарствах с регистрацией своей машины. Мужчины смеялись, она тоже улыбалась, хотя ничего не понимала из того, что они говорят. Люся, жена Игоря, показывала ей какие-то выкройки, в которых Диана тоже не разбиралась, но кивала, больше глядя на некрасивое, но доброе лицо Люси. Ей почему-то впервые за последнее время было хорошо и покойно. Она не была пьяна, но будто плавала в теплом уютном тумане. Диана ничего не забыла. Она помнила кто она, и кто Валдис, и помнила Сашу, но все, что было за пределами этой кухни, этой горячей чашки с вином, казалось происшедшим с ней, но в другой жизни, не сегодняшней. Она вдруг обратила внимание на то, что Люся давно о чем-то спрашивает и беспокойно смотрит ей в глаза.

– Ты что-то спросила?

– Я говорю: вам стелить-то где? В гостиной или на сеновале? Валдис всегда спит на сеновале. Там ему удобнее.

“...Вам стелить...” Диана как-то совсем об этом не поду-

мала.

– Не знаю,– сказала она.

– Валдис,– спросила Люся,– Вам где стелить?

– На сене,– не оборачиваясь, сказал Валдис.

“Конечно, на сене,– подумала Диана.– Там не придется прижиматься друг к другу”.

Но когда они взобрались на чердак, именно этого ей захотелось больше всего.

– Я очень гадко выгляжу?– спросила она его после, все еще прижимаясь грудью к его гибкому жилистому телу.

– Ты выглядишь очень беспомощно,– сказал он.– И ты – очень красивая.

– А ты – лгун. Ты когда-нибудь говоришь правду?

– Бывает.

– Если я тебя очень попрошу, скажешь?

– Что ты хочешь знать?

– Тот парень, у киоска, ты его ударил?

– Нечаянно.

– Врешь?

Валдис промолчал.

– Сейчас ты мне соврешь, что не знаешь его.

– А ты не спрашивай, и мне не придется врать.

– Ты ведь знаешь, с кем он тебя перепутал.

– Да.

Диана подняла голову от его груди и посмотрела в лицо. Взгляд его широко открытых глаз застыл вверху, в темноте

под крышей.

– Лет десять назад был здесь один художник, говорят талантливый. Кроме того, он пописывал еще что-то... – сказал Валдис.– Он, кстати, был родом откуда-то из ваших мест, с юга. Как-то он поехал туда, к друзьям детства, там ввязался в драку, кого-то зарезал... С полгода его не могли найти. Но выяснилось, что как всех этих, талантливых, его давно пасло КГБ, они его ментам и сдали. А когда те приехали его забирать, он умудрился отнять у солдат оружие. В перестрелке художника и убили.

Диана вспомнила шрамы на груди Валдиса.

– Его звали Андрей?– спросила она.

– Я очень устал,– сказал Валдис.– Вчера в пять утра я уже сидел за рулем.

– Хорошо, спи.

– И ты спи.

– И я буду спать.

Диане приснились абрикосы. Огромными с кулак, плодами было усеяно все дерево. Она потянулась к ним, а кто-то ударил по руке и сказал: “Не трожь, это не кошерная пища!”, а Диане так хотелось абрикос, что она заплакала. Слезы, журча, текли из ее глаз, и она не понимала, неужели их так много, что они журчат? Она посмотрела и увидела, что сидит на берегу Тетерева, под ней глубокий черный омут, а в нем плещутся золотистые камбалы. А потом ее кто-то позвал. И она увидела, что на другом берегу Тетерева стоит красивая женщина с белыми волосами гладко зачесанными назад. “Ты хочешь взять возлюбленного моего? – спросила женщина. – Увы, никому он не достанется...”, и исчезла, а вместо нее вдоль берега речки ходит толстая рябая курица и кудахчет.

Диана проснулась и поняла, что курица ей не приснилась. Она, в самом деле, кудахтала где-то рядом.

Круглый солнечный зайчик полз по неприкрытому животу Дианы. А она посмотрела на него, и поняла, что больше всего на свете ей хотелось бы увидеть его не таким, какой он есть – плоским и соблазнительным, как на картинках в “Плейбое”, а выпуклым, нахально растущим вместе с набирающим силы жизненным ростком внутри.

– Ну, возьми на ручки! – вдруг пропищал детский голос со двора. Диана вздрогнула и, завернувшись в колючее одеяло,

подползла к чердачной двери.

Карапуз лет трех шлепал по кирпичной дорожке, вцепившись в подол застиранного халата Люси. Та несла таз с бельем и вполголоса выговаривала малышу.

– Ну и что?– заныл малыш.– Все равно возьми.

Чердачная дверь скрипнула, и Люся подняла голову.

– Проснулась? – сказала она.– Спускайся, я тебя накормлю.

– А где Валдис?

– Он еще часов в восемь уехал. Они утром встали, заменили ему стекло, он сразу и уехал. Сказал, чтобы ты ждала его и не вздумала никуда отсюда уезжать.

В девятом часу Валдис, позвонив в Каунас, узнал, что его разыскивает Гусь. В девять они уже разговаривали в сквере у университета, где Гусь работал программистом компьютеров.

– Я сегодня приехал на работу в трамвае!– весело сказал Гусь, выбрасывая пустую бутылку из-под датского пива в мусорку. Валдис кивнул, давая понять, что оценил нелепость такого способа передвижения.

– У меня взорвали машину.

– Наконец-то купишь новую.

– Вообще-то, это совсем не смешно.

– Пойдем.

Валдис взял его под локоть и провел мимо памятника Канту к булочной, где оставил машину.

– Как тебе это нравится? – спросил он Гуся, показывая дырки на сиденье.

Гусь присвистнул. Потом удивленно посмотрел на лобовое стекло.

– Я его уже заменил, – сказал Валдис.

– Когда это случилось?– спросил Гусь.

– Вчера вечером. Около двенадцати.

– Белый “Патроль”?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Соседи видели, как перед взрывом мужичок крутился у моей “Омеги”, а потом сел в белый джип и уехал. В джипе был еще кто-то, кто его ждал.

– Похож на кого-нибудь?

Гусь пожал плечами.

– Я уже думал об этом. Никого такого не припоминаю. Во всяком случае, из местных. Может кто из ваших, или поляки?

– Вряд ли. Но одно я знаю точно – к делу, которым я занимаюсь сейчас, это никакого отношения не имеет.

– Почему?

– Ты-то в нем не участвуешь.

– Да. Зато мы вместе участвовали в нескольких делах, за которые есть, кому нам мстить.

– Ладно. Разберемся.

– Мне покупать новую машину или нет? Не хотелось бы, чтобы ее тоже взорвали.

– Дурак ты, братец, – сказал Валдис. – Посмотри еще раз на мое сиденье. Охотятся не за нашими машинами, а за нами. Просто твоя почему-то взорвалась раньше, чем ты в нее сел.

– Я не люблю, когда за мной охотятся, – сказал Гусь.

– Разберемся, – повторил Валдис. – С этим-то мы разберемся.

И вдруг он вспомнил то, что ему говорили в Польше.

– Я, кажется, знаю, откуда это идет. Твой приятель звонил ментам о том, что у него угнали машину?

Гусь насторожился.

– Должен был.

– Звонил или нет?

– Черт его знает!– завелся Гусь.– Поехали! Я его удавлю, если он этого не сделал.

Валдис довез Гуся до кинотеатра “Родина”, дальше тот поехал на такси. Они сговорились встретиться у памятника Канту в двенадцать часов. “Должен же я хоть показаться на работе”,– сказал Гусь.

Мимо Южного вокзала, через двухъярусный мост и Правую набережную, Валдис выбрался на дорогу к Циммербуде.

Вчерашняя стрельба у магазина “Спутник” сбила его с толку. Он связал ее с делом Ливенталя и потому утром, уезжая с Пайзы, наказал Люсе ни в коем случае не отпускать Диану со двора. Сам собирался проверить ее квартиру. Но теперь он был уверен, что их с Гусем заказал Белорус. Диану можно было отвезти домой. Хотя... Если намерения Эдика настолько серьезны, то ему ничего не стоит привязать сюда и Диану. Значит, ей придется пожить там, где ее не достанут руки Эдика. По крайней мере, до той поры, пока Валдис их не укоротит.

Ну, хорошо,– думал Валдис,– мальчики отдельно, девочки – отдельно. С киллером все ясно. Найти белый “Патроль” не трудно. Но что это объясняет в деле Ливенталя?

– Твой приехал,– услышал Валдис голос Люси, когда подходил к двери.

И остановился, взявшись за ручку. Что-то внутри него щелкнуло. Он не знал, нравится ему, что его так называли или нет?

Женщины сидели на табуретках друг против друга, свесившись над ведром. Чистили картошку.

– Есть хочешь? – спросила Люся.

– Да.

– Сейчас я тебе что-нибудь поджарю.

– Ты не хочешь еще пару дней пожить здесь? – спросил Валдис Диану.

– В интересах дела?

Он не понял, шутит она или нет. Диана спросила это, не поднимая головы от пакета с картошкой.

– Ну и вообще... – сказал он. – Тебе же тут нравится?

– Хорошо, мой господин.

“М-да... – подумал Валдис. – Ничего, пройдет”.

– Где Игорь? – спросил он у Люси.

– В гараже возится. Где же ему еще быть?

Валдис пошел в гараж. Игорь возился в яме под “Жигулями”, которые готовил к продаже. Валдис оглянулся, нет ли кого поблизости, и сказал:

– Мне нужна моя машинка.

Игорь исчез под автомобилем и через несколько секунд появился с грязной промасленной тряпкой. Валдис какое-то время смотрел на сверток в руке Игоря, а потом сказал:

– Сделаем так – ты это спрячь на его родное место, а мне

достань тот “бульдог”, что я давеча принес.

Игорь выругался.

– Что ты мне голову морочишь?– сказал он, с кряхтением выбираясь из ямы.– Дай то, нет, дай это... У меня работы невпроворот. Ты мне сказал запрятать его подальше, я и запрятал. Теперь кучу металлолома придется перекидывать.

– Ладно,– сказал Валдис.– С меня бутылка.

– Две,– сказал Игорь.

– Две бутылки.

– “Старого Кёнигсберга”.

– Черт с тобой! Давай, доставай мне машинку.

В это время Гусь, сидя за рулем синего “Гольфа”, на второй передаче разогнался с десяти метров и въехал в угол дома на улице имени Павлика Морозова. Потом вышел из того, во что превратился “Фольксваген”, и любовался на свое произведение.

– Это тебе штраф в материальном выражении,– сказал он тощему мужику с желтыми белками глаз и обвисшими усами под острым носом.

– А вот – моральная компенсация,– сказал Гусь, неожиданно точно и сильно всаживая кулак под ребра усатому. Тот икнул, выпучил желтые белки глаз и завалился на асфальт. Гусь подождал пока усатый придет в себя, поднял его, поставил и коротким ударом костяшками пальцев свернул ему нос в сторону. Усатый, схватившись за лицо, тихо отчаянно завыл.

– Это тебе на память,– сказал Гусь.– И попробуй только выпрямить его. Тогда я приду и сверну тебе голову. И молись за меня, сука, потому что я ведь мог и удавкой воспользоваться.

Через ближайший проходной подъезд Гусь вышел со двора на улицу и поймал первую же попавшуюся машину.

– К университету, пожалуйста,– попросил он водителя.

Валдис нарушил все свои правила. Он целый день мотался по Кёнигсбергу из конца в конец. Засветился даже на рынке, где купил целый ворох колбасы, шоколадок и соков. “Люсе пригодится”, – подумал он, украдкой поглядывая по сторонам. Там его и увидел один из четырех уголовников, нанятых Эдиком Белорусом для поисков Валдиса. Этого звали Паша Гвоздь, и от остальных он отличался сообразительностью и приближенностью к Эдику. Он единственный из всех шестерок знал, что за голову Валдиса Эдик собирается отвалить киллеру, нанятому в Брянске, тридцать тысяч зеленых. Быстро обежав стоянки у рынка, он разыскал черный БМВ – тройку” с литовскими номерами, и поставил свой “Опель” так, чтобы не упустить Валдиса. Теперь он должен был по рации донести Эдику о своих достижениях. Однако Гвоздь не сделал этого, рассудив, что грешно и непатриотично отпускать тридцать тысяч долларов за границу. Он, Паша Литвиненко, по кличке Гвоздь, тоже очень неплохо сможет ими распорядиться.

БМВ покрутился по городу, но все в таких местах, что Гвоздю не представлялось случая выказать свою удачу.

Около пяти вечера БМВ по Советскому проспекту направился к выходу из города. Пройдя под окружной дорогой, он свернул налево, к птицефабрикам, и Гвоздю пришлось силь-

но отстать, потому что дорога эта довольно пустынна, и он боялся, что Валдис его заметит. Но потом он вспомнил, что впереди дорога раздваивается, испугался, что упустит БМВ, и прибавил скорости. Через пару километров его ждал нечаянный подарок – черный БМВ Валдиса стоял на обочине перед мостом возле озера.

Гвоздь на небольшой скорости проехал мимо, внимательно осмотрев пустую машину под деревьями и берег озера, но Валдиса не увидел. В полукилометре за мостом, он развернулся и направился назад. Возле БМВ по-прежнему никого не было.

Гвоздь поставил “Вектру” напротив, через дорогу. Сердце у него колотилось, и он немного посидел в машине, покуривая, надеясь, что оно успокоится. Ему еще не приходилось стрелять в людей, и хотя Паша был убежден, что дело это несложное, руки у него дрожали. Все-таки он заглушил мотор, вытащил из-под сиденья “ТТ”, и сунул его в специально приспособленный для этого карман с внутренней стороны джинсовой жилетки.

Паша походил вокруг БМВ, заглянул в него, стараясь не прикасаться, чтоб не возбудить сигнализацию. Эта машина нравилась Гвоздю, и он твердо решил купить такую же, как только получит от Эдика деньги. Эта мысль укрепила его дух, и он решительно зашагал к озеру.

Сначала он увидел двух лебедей, жадно собирающих кусочки белого хлеба с коричневой поверхности воды. Потом Вал-

диса. Тот сидел на бревне спиной к Гвоздю и кидал лебедям хлеб. Гвоздь достал пистолет и осторожно подошел ближе.

– Эй ты, Валдис!– крикнул Гвоздь. Можно было и не кричать, но так уж у Гвоздя получилось.

– Да?– сказал Валдис, не оборачиваясь.

– Посмотри на меня,– сказал Гвоздь.

– Успею еще насмотреться.

– Может, и не успеешь,– сказал Гвоздь, поднимая пистолет.– Смерть твоя пришла.

– Да?!– удивился Валдис, оборачиваясь.– А ты – кто?

– Я – Паша Гвоздь.

– Жалко мне тебя, Паша,– сказал Валдис.

– Ах, ты...

Договорить Гвоздь не успел, потому что в затылок его вошла пуля и вынесла добрую половину Пашиного лба над левой бровью.

– Вот это да!– сказал Гусь, когда перевернул Пашу и увидел, что стало с его головой.– Маленький, а злой!

Он с уважением посмотрел на “бульдог” в своей руке.

– Не тот,– сказал Валдис.– Гвоздь какой-то.

– Не тот,– согласился Гусь.– А какого рожна этому надо было?

Валдис не ответил. Он подошел к озеру и стал тщательно мыть руки в его темной воде.

– Большую охоту затеял Эдик,– сказал Гусь.

– Машинку не выбрасывай,– сказал Валдис, зная, что Гусь

уже собрался закинуть револьвер в озеро.

– А куда его?– удивился Гусь.

– Придержи. Может пригодиться.

Потом они закинули Гвоздя в озеро. Валдис посмотрел на свои руки и опять пошел мыть их.

– Послушай,– задумчиво сказал Гусь, глядя, как Валдис полощется в воде.– Я в его машине видел рацию.

– Ну? Это интересно.

Валдис выпрямился и стоял, потряхивая кистями.

– Может мне попробовать продать тебя?– спросил Гусь.

– Думаешь Эдик на это купится?

– Хрен его знает. Но терять-то нам нечего.

Валдис подумал.

– Ну, пойдём. Попробуй.

Ответил не Эдик. Голос был хриплым и низким.

– Зачем он тебе?

– Если б я хотел говорить с тобой, дерьмо, я бы тебя не по рации вызвал. Ты бы сам ко мне на карачках приполз. Скажи Белорусу, что с ним хочет Гусь говорить.

Там помолчали. Потом в машине раздался моложавый голос Эдика:

– Ты еще жив?

– Я надеюсь, что переживу тебя.

– Чего тебе надо?

– Купишь у нас Валдиса?

Эдик надолго замолчал. Гусь не торопил. Но когда надо-

ело ждать, он спросил:

– Ты там ничем не подавился?

– У кого это – у вас? – спросил Эдик.

– У нас, – сказал Гусь, указывая на себя и Валдиса.

– Вы же с ним были друзьями.

– Были. Но я не люблю, когда взрываются мои машины, даже если они и старые. Мы тебе Валдиса, а ты нам – пятьдесят штук, и мы мирно расходимся.

– Пятьдесят штук?! – удивился Эдик. – Ты что думаешь, я нефтью торгую?

– Я думаю, а чего это я с тобой вошкаюсь? Мне проще взять у Валдиса десять штук, и сказать ему кто за ним охотится. Ему это будет интересно. Я считаю, что такой поворот обойдется тебе дороже. И мне удобнее. Окажу приятелю услугу, избавлюсь от любителя класть бомбы в мои машины, еще и с прибылью останусь.

– Что же ты так не сделал?

– Сделаю, не волнуйся, если ты мне не заплатишь. Просто хочу хорошую машину купить. Ты же мою сломал. И потом – я ведь не один.

– Тридцать, – сказал Эдик.

Гусь смерил Валдиса взглядом и сказал:

– Тридцать – за такую голову? Не жадничай, Эдик.

– Ну, хорошо, – голос у Белоруса стал жестким. – Сорок. Все. Как ты это сделаешь?

– От окружной налево идет дорога на Люблино. Знаешь?

– Знаю.

– Едешь по ней до озера, а там ровно в восемь вечера я тебя встречу.

– Откуда я знаю, может там меня засада ждет?

– Но ведь и я не знаю, с кем ты приедешь. И потому – прошу без глупостей. Мои люди будут ждать меня в городе. Если я не приеду с деньгами, они тебя и в Белоруссии достанут.

– А тот ублюдок, что называет себя Гвоздем, он где?

– Молодец, – тихо сказал Валдис. – Быстро он нас накрыл.

– Вышел погулять, – сказал Гусь. – Все, отбой.

Он ударил по радиации ногой, оторвав ее с креплений под радиоприемником, и выбросил в кювет.

– Между прочим, – сказал Валдис, – а с чего ты взял, что я дал бы тебе десять тысяч?

В восемь часов вечера на дороге со стороны окружной показался синий “Опель – Сенатор”. Гусь стоял, прислонившись к БМВ, и курил. Когда он увидел в “Сенаторе” трех человек, то выплюнул сигарету и отошел за машину. “Опель” остановился в нескольких метрах. Из него выскочили двое с короткими “калашниковыми” наизготовку. Гусь выставил руки с пистолетом на крышу БМВ.

– Не двигаться! – крикнул он. – Я стреляю лучше вас.

– Спокойно, Гусь, – сказал, вылезая из машины третий, тот самый бритоголовый, которого Гусь недавно разбудил стволом ружья. – Не надо резких движений. Мы приехали пока не за тобой, нам нужен Валдис. Где он?

– Я договаривался с Белорусом. Почему он не приехал?

– Не смог. Где Валдис?

– Не помню, – сказал Гусь.

Бритоголовый ухмыльнулся, полез в машину и вытащил чемоданчик.

– Тут твой гонорар, – сказал он, все еще ухмыляясь и размахивая в воздухе чемоданчиком. – Это поможет тебе вспомнить?

– Может быть. Если там то, что мне обещано. Тащи его сюда, посчитаем.

– Ты нам не доверяешь, Гусь? – удивился бритоголовый.

– Нет.

Бритоголовый вальяжной походкой направился к БМВ.

– Положи “дипломат” на багажник и открой его, – сказал

Гусь.

В чемоданчике лежали четыре пачки долларов в банковской упаковке.

– Разорви упаковки, рассыпь купюры и дай мне одну.

Упаковки были не “куклами”, а доллары – настоящими.

– Мы работаем честно, Гусь.

– Слушай, дядя, – сказал бритоголовому Гусь. – Мы с тобой в детстве на одном очке не сидели и одну пайку на нарах тоже не хлебали. Я тебя не знаю, так что я для кого Гусь, а для тебя, фраер, Иван Иванович. Запомнил?

– Я запомнил, – сузил глаза бритоголовый. – Я тебя хорошо запомнил.

– Теперь закрой портфель и поставь его на землю у машины. И отойди к своим молокососам. А я тебе скажу, где Валдис.

Бритоголовый, пятясь, отошел к “Сенатору”.

– Валдис в кювете за “Вектрой” под куском брезента, – сказал Гусь. – Можете его забрать.

Бритоголовый, переводя взгляд с Гуся на “Вектру”, лихорадочно соображал, нет ли здесь подвоха, но ему ничего не оставалось, как пойти и самому проверить.

– Не спускай с него глаз, – сказал он одному из автоматчиков, а второго кивком позвал с собой.

Гусю было видно, как они зашли за машину Гвоздя, и автоматчик наклонился, чтобы сдернуть брезент. В ту же секунду Гусь три раза нажал на спусковой крючок “макарова”, и тот, кому было велено не спускать глаз, мешком осел на землю у колес “Омеги”. Гусь мгновенно повернулся с пистолетом в сторону “Вектры”, но там было тихо.

– Валдис, – позвал он.

Тишина.

Гусь, держа пистолет впереди себя обеими руками, бросился через дорогу.

Автоматчик лежал лицом вниз, из его шеи фонтанчиком была кровь. У бритоголового было две дыры – одна в груди и другая чуть ниже правого глаза. Валдис лежал, закинув руки за голову, и жевал травинку.

– Мать твою!.. – заорал Гусь. – Ты, какого хрена тут раз-

легся?

– Я думаю, – сказал Валдис.

– О чем, черт бы тебя побрал?

– Где Белорус?

– Не знаю.

– Это плохо, – сказал, вставая и отряхиваясь, Валдис.

– Морду бы тебе набить, – мечтательно сказал Гусь. – Да не время. Пойду, посмотрю, нет ли чего интересного?

Валдис вынул деньги из чемоданчика, сунул их в отделение для перчаток и, положив в “дипломат” пистолеты, отшвырнул его в сторону от дороги. Он видел, что Гусь наполовину скрылся в “Сенаторе” и оттуда торчал только зад. В это время Валдис и услышал высокий звук мощного мотора. Какая-то машина шла по шоссе с большой скоростью. Он прислушался. Звук доносился со стороны Люблино.

– Гусь! – крикнул Валдис. Но тот не слышал, был слишком занят чем-то.

Внезапно из-за поворота, скрытого деревьями, вынырнул белый “Патроль”.

– Гусь!!!

Машина была уже в полусотне метров, а Валдис только что выбросил оружие. У “Сенатора” валялся автомат, но ему было не успеть к нему. Перед тем, как броситься в кювет, Валдис заметил, как Гусь начал выбираться из машины. Потом, уже скатившись с дороги, он услышал треск длинной очереди.

“Патроль”, не сбавляя скорости, промчался мимо и метрах в тридцати стал разворачиваться. Валдис по кювету добежал до “Сенатора”, схватил автомат и, склонившись, обогнул машину. Гусь лежал на спине, раскинув руки, и на его зеленой футболке расплывались, соединяясь в одно, три багровых пятна.

За рулем джипа, пригнувшись к рулю, сидел Белорус. Из правого окна, высунувшись почти наполовину, торчал широколицый мужик с тонкими усиками и в, низко надвинутой, бейсбольной шапочке козырьком назад. В руках у него был большой старый АК, из которого он угрюмо целился в Валдиса. Валдис успел дать четыре или пять коротких очередей по Эдику, и “Патроль” стал вилять, а ему пришлось метнуться за “Сенатор”. Джип, сильно забирая вправо, направился напрямиком на ограждение моста, сбил его и боком свалился в озеро. Валдис побежал на мост, и когда в радужном пятне, быстро растекавшемся по поверхности озера, показалась лысеющая голова усатого, уже без шапочки, он разрядил в нее остатки патронов из магазина АКС. Голова медленно исчезла, густо окрашивая воду красным. Валдис бросил туда же автомат и вернулся к Гусю.

Одна из его трех ран темнела дырой на футболке как раз под левой грудной мышцей. Валдис подумал, что даже не знает, есть ли у Гуся родственники? Судя по тому, что он исправно ходил на официальную работу, у него вполне могла быть семья.

Он закрыл Гусю глаза, услышал, что кто-то едет, и заторопился.

– Прости, брат, – сказал он. – Ты знаешь, что я уже ничем не могу тебе помочь.

В Люблино Валдис выбросил в окно перчатки. Но руки были в тальке и, миновав поселок, он остановился у первого же болотца и вымыл их.

Доехав до поворота на Циммербуде, Валдис почему-то не смог повернуть руль налево и прошмыгнул мимо, по прямой – на Фишхаузен. Стрелка на часах двигалась к девяти. Валдис прикинул, что до Юодкранте ему пришлось бы добираться еще часа два, и стал вспоминать, нет ли поближе тихих пансионатов, где можно переночевать без предъявления паспорта? Если не считать того визита, который они с Ремизовым нанесли местному пляжу, то он здесь был очень давно и потому ничего более тихого, чем турбазы Гросс Курена, известные своей терпимостью к ночным посетителям, вспомнить не мог. Впрочем, для начала, Валдис решил захватить в Янтарный – прихватить что-нибудь на ужин. В конце концов, с едой он мог переночевать в машине, хотя и не любил этого делать.

“Кстати, о машине, – подумал Валдис. – Странно, что при такой пальбе ее не задела ни одна пуля. Или задела? Надо бы остановиться и осмотреть внимательнее. Не хватало еще нарваться на ментов с дырами от очереди на багажнике”. Он прошел кругловский поворот и свернул на обочину к куче соленого песка, оставленного дорожниками.

На БМВ не было ни единой царапины. Валдис сел за руль, закурил и только тут почувствовал, что до сих пор находится в напряжении. Он растопырил пальцы. Они не дрожали, хотя

Валдис чувствовал, как его трясет изнутри. Он докурил сигарету, бросил ее через полуоткрытое окно на дорогу, взялся за ключ и в боковое зеркало увидел, что к машине подошла высокая рыжеволосая молодая женщина. Одета она была в простенький сарафан на тонких лямках, не скрывавший стройного сильного тела.

– Вы меня до Янтарного не подвезете?– спросила женщина.

Валдис никогда не брал попутчиков. Исключения делал только изредка, да и то – для беременных или женщин с детьми. Он не остановился бы, махни эта рыжая рукой ему на ходу. Но сейчас он стоял, а женщина не кокетничала и не старалась выпятить свои прелести, покупая его.

– Так как?– спросила она.– Возьмете?

Валдис перегнулся через рычаг коробки передач и открыл правую дверь.

Женщина села и небрежно одернула задравшийся подол сарафана. Ноги ее были в золотистом загаре, который хорошо оттеняли белые мягкие спортивные туфли.

Ехали молча. Валдис думал о том, что сейчас будет очень трудно искать родственников Гуся. Уже к ночи они будут обложены милицией, как волки. Валдис убеждал себя, что за ним нет никакой вины, хоть это и он привлек Гуся к этой работе. Тот знал, на что идет. И все же Валдису было очень скверно.

– Вам где нужно выйти?– спросил Валдис рыжую попут-

чицу, когда показались первые дома Янтарного.

– А мне и не нужно выходить,– сказала она.

Валдис посмотрел на нее. Она улыбнулась и сказала:

– Я пошутила. Мне надо в магазин.

Он не ответил и свернул к магазину. Купил три пол-литровых банки пива, копченый балык скумбрии, сыр и хлеб. Водка была из России, и он остерегся ее покупать, хотя больше всего ему сейчас хотелось именно водки. Решил посмотреть в киосках.

Выйдя из магазина, наткнулся на резную доску объявлений. Он может, и прошел бы мимо, если б не крупные буквы, выведенные синим фломастером на листке клетчатой бумаги: “Продается /сдается внаем/ пол. дома в пос. Кленовое”. Валдис постоял, подумал, но, не вспомнив поселка с таким названием, повернулся, ища у кого бы спросить? Наткнулся на рыжую. Та стояла за его плечом и тоже изучала доску объявлений.

– Где это – Кленовое? – спросил Валдис.

– Тут, неподалеку. Я могу показать. Мне как раз нужно в ту сторону.

“Можно подумать, что она навязывается”, – решил Валдис, вглядываясь в ее лицо. Но оно было непроницаемо. Слегка удлиненное, с тонким носом и желтоватыми глазами, оно не выражало ничего, кроме доброжелательности. Что-то в нем было хищное, но впечатление это не задерживалось в сознании. Солнце золотило пушок на ее левой щеке.

– Хорошо, – сказал Валдис.– Поехали. Я только куплю еще кое-что в палатках.

Палаток было несколько, но только в одной из них, под плакатиком “Водка Калининградская”, он нашел то, что искал. Взял две бутылки. Хватило бы и одной, но уже много лет он придерживался правила, что спиртное никогда не бывает лишним. Кроме того, он чувствовал, что сегодня одной бутылки ему может не хватить.

– Вы хотите снять квартиру в Кленовом?– спросила рыжая, когда они отъехали от палаток.

– Не знаю. Посмотрим.

– Если Вам нужна эта квартира на недолгий срок, то думаю, что у Вас ничего не получится. Я знаю тех, кто ее сдает. Им нужны деньги, они переезжают и вообще собираются продавать свою часть дома. Если и сдадут кому, то не меньше, чем на год.

– Посмотрим,– повторил Валдис.

– У Вас неприятности?– спросила рыжая.

“О, черт!– подумал Валдис.– Тебе-то, какое дело?!”

– Куда поворачивать?– резко спросил он.

– Направо,– сказала рыжая и замолчала.

В Кленовом она указала Валдису дом, который тот искал, но сама выходить из машины не стала. Наоборот, как показалось Валдису, глубже устроилась в кресле, прячась за затемненными стеклами.

Переговоры с хозяйкой ничего не дали. Она хотела деньги

сразу за год, а лучше – за три. Но Валдис не очень-то ее и уговаривал. Он заметил, что из дома напротив вылезло все семейство, и стало разглядывать его и БМВ, а какая-то бабка, проходя мимо, остановилась и прислушивалась к тому, что говорит хозяйка.

– Ко мне приезжала одна пара... – говорила еще хозяйка, когда Валдис повернулся и пошел к машине.

– Я живу на хуторе, – сказала рыжая, не глядя на него. – В двух километрах отсюда. У нас на чердаке есть две комнаты, которыми мы с отцом не пользуемся. Мне кажется, Вы с ним могли бы договориться.

– А Вам не кажется, – спросил Валдис, – что это все как-то слишком кстати?

– Нет, – сказала рыжая. – Это все – совершенно случайно. Не думаете же Вы, что я подстерегла Вас на дороге?

– Может, Вы и водку пьете? – спросил Валдис.

– Иногда.

“Черт с тобой”, – подумал Валдис.

– Показывайте, где ваш хутор? – сказал он.

– Прямо. Нужно проехать через Кленовое, а потом я покажу.

Они добрались до железной дороги, но не стали пересекать ее, а поехали вдоль по мостовой, где булыжник местами был разобран, и белели песчаные провалы. Вскоре кончилась и она, и через поле пошла колея, нарезанная тракторами и грузовиками. Валдис ехал по обочине так, чтобы колеса его

машины шли по гребням, стараясь не угодить в борозды, но все равно, БМВ шуршал брюхом по сорнякам, а в его правый бок скреблись колосья озимой ржи.

Хутор был окружен живой еловой изгородью. Ели давно уже никто не подрезал, они выросли и стояли стеной, так что самого дома за ними не было видно. А дом – приземистый, с оспинами осыпавшейся штукатурки, открывшей глиняные стены, и с черными дощатыми дверьми – примостился у небольшого заросшего дубами холма, горбом торчавшим из-за черепичной крыши. Этот самый дом поразил Валдиса своей древностью. Он вышел из машины перед воротами из еловых жердей и стоял, разглядывая реликтовое строение. Он много помотался за последние годы по Прибалтике, Пруссии и Европе, но ничего подобного нигде не встречал. Этот дом не знал ремонта лет триста, если вообще его кто-то когда-то ремонтировал. А, судя по тому, какими низкими были его покривившиеся от времени, раскорячившиеся стены, какими подслеповатыми квадратные с коваными навесами-уголками окна, дому было не меньше четырех-пяти сотен лет. С крышей, вдвое превышавшей высоту стен, крытой потемневшей черепицей, он походил на покрытый плесенью гриб-моховик.

Рыжая откинула в сторону жерди и, приглашая, повела рукой в сторону двора с одинокой телегой посередине.

Ветер волновал ее сарафан и шевелил огнем сверкавшие пряди волос. Тело под сарафаном хорошо просматривалось,

а волосы отливали красной медью. За ней, растопырив оглобли, тонула в сорняках телега. Дальше – раздобревший и расплывшийся дом с белыми в желтых проплешинах стенами и красно-коричневой крышей, подернутой зеленью, на фоне темно-зеленого холма укрытого пеной дубовых крон. И на всем – разлитая акварель заходящего солнца. А сверху – разбавленное розовым небо.

Это был гениальный сюжет. Валдис почувствовал, как мелкими иголками покалывает кончики пальцев, и чтобы ослабить это чувство, он забарабанил ими по воздуху, стряхивая напряжение. Он вдруг вспомнил запах конопляного масла.

“Все,– подумал Валдис.– Успокойся. Лучше вспомни, кто ты есть сейчас. Тебе пора выпить”.

Он вытянул руку. Пальцы дрожали.

“Если я сейчас не выпью – взбешусь,– подумал он.– Ни до какого Гросс Курена я уже не доеду. Не примут здесь, загоню машину в поле и напьюсь там”.

Валдис сел в машину и завел ее во двор.

Он сидел, положив руки на чисто выскобленные дубовые доски столешницы по обе стороны от стакана с водкой, смотрел на блекло-желтые волосы старика, и ему казалось, что какая-то часть его, медленно вращаясь в воздухе, валится в пропасть. Другая, совсем крошечная, цепляясь за сознание, вопила: “Ты где-то прокололся! Очнись!” Третий кусок – большой и уставший, уже ничего не хотел. Ему было все равно – так лежать, падать ли в пропасть – все равно... Все события последних дней рухнули на Валдиса, и он уже не мог в них разобраться. Они придавили его своей тяжестью.

“Вот проснемся, разберемся” – вертелось в голове.

“Вот проснемся, разберемся. Вот проснемся...”

Старик, тот самый, которого Валдис встретил в овраге с собакой, выпил пиво, обтер губы рукавом и запихнул в рот кусок мяса. Водки он не пил, а то пиво, что предложил ему Валдис, только попробовал и, отказавшись, принес из погреба свое, в эмалированном бидончике, темное, густое и горькое, сильно отдающее брагой и мало пенящееся. За весь вечер он не сказал ни слова. Помалкивала и его рыжая дочь, не отстававшая от отца в поглощении бурды, которую они называли пивом.

В доме не было электричества, и по стенам метались дрожащие тени от толстых свечей, потрескивающих на столе в

керамических плочках. Хлеба не было, и вся закуска состояла из вареной и жареной козлятины, от сладковатого запаха которой Валдиса уже давно мутило.

Санкти – так она себя называла, и это имя о чем-то смутно напоминало Валдису, но о чем, он не мог вспомнить, что-то странное происходило с его памятью – сосредоточенно обглаживала кость, нисколько не заботясь о том, что по ее запястьям к локтям течет жир и сок с мяса, а на лбу и верхней губе выступили крупные блестящие капли пота. Лицо ее плавилось в неверном свете, меняло очертания. Иногда Валдису казалось, что сидит перед ним не та красивая женщина, которую он подобрал на дороге, а какая-то другая, которую он раньше не видел. Иногда мерещилось, что ее рот вытягивается в подобие звериной морды... Тогда Валдис закрывал глаза или смотрел в черный закопченный потолок, который казался, однако, совсем не черным, а живым, слабо светящимся и пульсирующим слоями тьмы.

Наконец он понял, что уже достаточно пьян, встал со скамьи, прихватил с собой одну из свечей и, придерживаясь за стены, побрел в сени, а оттуда – на чердак, в комнату, которую ему отвели. На площадке перед дверью он остановился. Ему показалось, будто он увидел в слуховом окошке огонь. Он присмотрелся, но ничего не обнаружив, решил, что это был блик от свечи.

Валдис задул свечу и, не раздеваясь, повалился в скрипучую железную кровать.

Ему приснился, мчащийся прямо на него, белый “Патроль”, и широкое лицо, целящегося в него из “калашников-ва”, коротышки. Валдис вскидывает АКС, нажимает на крючок, но очереди не слышно – перекосило патрон. Он хотел прыгнуть в кювет, и вздрогнул так сильно, что проснулся.

Сел на кровати, пошарил рукой по табуретке у изголовья, нашел банку пива, открыл ее и опрокинул в рот. Напившись, Валдис нашарил сигареты и зажигалку. Закурил... И обнаружил, что сидит в комнате без стен. Над ним, в ночном небе неслись облака, иногда приоткрывая тусклые звезды, перед ним громоздился холм, на котором мерцал огонек, то слабеющий, то вспыхивающий при порывах ветра так, что озарялись животы низко летящих туч и пляшущие вокруг костра огромные фигуры трудно узнаваемых существ.

Валдиса взяла оторопь, но потом он понял, что еще спит, и спокойно допил пиво, вглядываясь в призрачных танцоров на холме. Постепенно он стал различать топот и визгливые звуки, которые вероятно подменяли музыку. Внезапно он понял, что звуки идут вовсе не с холма, а снизу, из дома. Он встал и пошел к лестнице. Была абсолютная темнота, но, тем не менее, он хорошо видел даже такие мелочи, как шов между половыми досками и деревянные гвозди, которыми крепились перила лестницы к дощатой стене.

Шум шел из той комнаты, в которой они ужинали. Валдис открыл дверь и встал на пороге. В лицошибанул резкий запах хлеба. Жарко воняло и псиной, и скотским навозом, и

КОЗЛОМ...

Сам козел, черный, косматый, с огромными рогами и грибовой, мотал головой, выпучив шарообразные глаза, и взбрыкивал задом, пытаясь скинуть с себя голую дочь хозяина, крепко уцепившуюся в его шерсть и дико хохотавшую. Грудь и огненные волосы ее взлетали при каждом скачке козла и упруго пружинили вниз, когда он опускался на связанные ноги. Хозяин, стоя вполоборота к Валдису, в одной рубахе с торчащими из-под нее тощими кривыми лодыжками, дул в свиной череп, извлекая оттуда омерзительные, рвущие ухо звуки.

Санкти, увидев Валдиса, бросилась к нему и втащила в комнату. Он поразился ее силе, а она, кружась и прыгая вокруг него, улыбалась и заглядывала ему в глаза, и прижималась эластичным горячим телом, и Валдис сам втянулся в ритм, который уловил в, казалось бы, беспорядочных взвизгиваниях свиного черепа, и закружился по комнате вместе с рыжей. Он не заметил, как она начала рвать на нем одежду, а ощутил только, что больше на нем ничего нет, а Санкти приникла к нему скользкой потной плотью, и они повалились на пол, и, превратившись в двух диких животных, смешались друг с другом, и катались, извиваясь и входя друг в друга, и кусались, и облизывали, и кричали... И взорвались одновременно, разбрасывая черные звезды.

Старик длинным узким ножом полоснул козла по горлу. Когда оно открылось, толчками выбрасывая темную густую

кровь, поднес к нему чашу и, наполнив, протянул Санксти. Та все еще сидела на Валдесе, обхватив его крепкими бедрами. Она жадно отпила из чаши, а остатки влила в полуоткрытый рот Валдеса, и земля вывернулась из-под него.

В тот день, когда Диана проснулась, разбуженная курицей, и не явилась поутру в контору Олега Ремизова трепать ему нервы, он обрадовался. Но когда она не пришла и на другой день, вечером он сам заехал к ней. И не застал. Он отправился домой, почитал книгу, посмотрел фильм со Сталлоне по местному телеканалу, выслушал сенсационное сообщение о диком побоище на Люблинском шоссе, и часам к одиннадцати снова поехал к Диане. На его звонки опять никто не ответил. Это его озадачило. Диана, насколько он ее знал, была домоседкой. Поразмыслив, он связал ее исчезновение с Валдисом и успокоился. Телохранителя надежнее вряд ли можно было представить, а если он увез ее куда-нибудь на косу или в Данциг, тем лучше для нее. Вдов, как известно, утешают в постели.

Но Диана не объявилась ни на третий, ни на четвертый день. От Валдиса тоже не было вестей. Ремизов заволновался. В обеденный перерыв понедельника он опять стоял у двери квартиры Ливенталей и безрезультатно тискал кнопку звонка. Так и не пообедав, он вернулся в контору и позвонил в Каунас. Валдис там не показывался и не звонил. Это было – из ряда вон.

Ремизов черкал в блокноте своим “паркером”, когда его кольнула пренеприятная догадка. Что там говорили про

стрельбу и утонувший автомобиль на Люблинском шоссе? Он позвонил приятелю из Центрального райотдела милиции.

– Все опознаны, – сказал тот. – На одного только сегодня пришли материалы из Брянска. Оказался киллером. Давно разыскивается. Еще двое – только что из зоны. Один – авторитет. По остальным тоже тюрьма плакала. Один оказался чистым. Ничего нет ни у нас, ни у соседей, работал программистом в университете, но ищем, что-нибудь найдем. Машины? “Вектра”, “Сенатор” и “Патроль” в озере. Там у них целая война была. Шесть трупов и один в реанимации, но тоже не жилец, не вытянет.

“БМВ” нет”, – подумал Ремизов. Но эта мысль почему-то его не успокоила.

– Бандитские разборки, – сказал милиционер. – Шуму, конечно, много. Шутка ли – у нас не Россия! – впервые такое! По правде говоря, хрен с ними, туда им и дорога. Я бы им даже лицензии выдавал на отстрел друг друга.

Ремизов положил трубку и надел колпачок на авторучку. В дверь, два раза стукнув, вошла секретарша.

– Олег Викторович, там пришли из “Арсенала”. Это по поводу норвежской селедки. Куда их послать, к Вам или...

– В задницу, – сказал Ремизов.

– Так и сказать?

– Так и скажи.

– Хорошо, я пошлю их к Шульгину.

Секретарша вышла и плотно затворила за собой дверь. Ремизов опять открыл авторучку, посмотрел на перо, дунул на него, закрыл колпачком и вышел из кабинета.

Он поехал в Юодкранте. Валдиса там не нашел, домой вернулся поздно, злой, наорал на детей, чуть не швырнул в жену ужин и угомонился в кресле с почти пустой бутылкой грузинского коньяка в руках. Жена выключила шипевший телевизор и не стала его будить.

Во вторник, часам к двенадцати в контору пришла Диана.

– Ну, проходи, рассказывай,– обрадовался ей Ремизов.– Как отдыхали, где?

Диана пожала плечами и спросила, усаживаясь на диван:

– Валдис у тебя не объявлялся?

– Нет. А разве вы не вместе?..

– Не вместе.

– А где же ты тогда была?

– В Светлом, у друзей.

Ремизов хотел обругать ее, но сдержался.

– Могла бы хоть позвонить,– пробурчал он.

– У его друзей,– добавила Диана.

– Ничего не понимаю,– сказал Ремизов.– Ты не могла бы объяснить?

– Объясняю: вечером, после того, как отвезли тебя, мы поехали к “Спутнику”. Валдис купил там выпивку и всякую чепуху. Потом в нас кто-то выстрелил. Валдис сначала погнался за ними, но потом раздумал. Мы поехали черт знает

куда – я потом узнала, что это Светлый – к его друзьям. Там ему заменили стекло в машине, а со мной была истерика, и мы остались ночевать. Утром он уехал, когда я еще спала. Потом ненадолго вернулся, оставил хозяевам деньги на продукты и сказал, что обязательно приедет, и чтобы они никуда меня не выпускали. Вот и все. Не могут же они меня там держать годами. А Валдиса все нет.

Ремизов полистал календарь и ахнул:

– Так ты его не видела с четверга, или с пятницы! Пять дней!

– Значит, ты его тоже не видел, – ровным голосом, почти безразлично, сказала Диана.

Ремизов не ответил. Он подошел к окну и стал смотреть на голубей, которых покормил перед самым приходом Дианы.

– Ты говоришь, он погнался за тем, кто в него стрелял? – спросил он задумчиво.

– Да, но недалеко, потом остановился.

– Почему?

– Не знаю.

– Я думаю, он понял, кто это был.

– Может быть.

– Или у него не было оружия.

Ремизов обернулся и посмотрел на Диану.

– Ты случайно не помнишь, какая была машина у тех?

– Я в них не разбираюсь. Большая. Джип какой-то, белый.

– “Патроль”, – тихо сказал Ремизов.

– Что? – спросила Диана.

Ремизов смотрел на нее и думал – говорить или нет? А почему, нет? Это же она все затеяла.

– Я сказал, что джип этот – “Патроль”.

– Откуда ты знаешь?

– Я догадливый. В пятницу вечером этот джип кто-то расстрелял из автомата на люблинской дороге.

– У тебя попить ничего нет? – спросила Диана.

Олег достал из холодильника бутылку воды «Кранцвасер», налил в стакан и подал ей. Она выпила весь стакан.

– Не может быть, – сказала она.

– Ну, почему же?

“Ты же сама его в это дело втравила”, – хотел сказать Ремизов, но вовремя спохватился:

– Очень даже может.

– Я пойду домой.

Она встала с дивана.

– погоди, – сказал Ремизов. – Сядь. Я тебе не все сказал. Там что-то непонятное. Кроме этого джипа там было еще две машины и куча народу. Шесть убитых и один раненый. Кто в кого стрелял – непонятно. Милиция думает, что это “разборки”. Так что, возможно, это вовсе не по нашему делу. Насколько я понял, никого с литовским паспортом там не было.

Ремизов запнулся. Ему показалось, что Диана его не слы-

шит.

– Ты меня слушаешь?– спросил он.

– Это Валдис,– сказала она.– Я знаю.

– Послушай, давай я позвоню кое-кому, попробую выяснить подробности, а вечером заеду к тебе. Договорились?

Диана кивнула и ушла.

“Вот чего мне сейчас больше всего не хватает,– подумал Ремизов,– так это кучи трупов”. Он вздохнул и набрал телефонный номер.

– Алло? Это опять я. Да, Олег Ремизов. У нас тут как-то были неприятности... В общем, я хотел бы посмотреть на тех разбойников с Люблинского шоссе. Да. Может, кого опознаю? Фотографии? Идеальный вариант! А то я, знаешь, не любитель по моргам гулять. Так я подъеду? Хорошо, буду вовремя.

К вечеру Олег Ремизов знал, что, среди оставшихся на дороге, Валдиса не было. На найденном в изобилии у дороги и в озере оружии никаких отпечатков не обнаружено. Судя по результатам баллистической экспертизы, в “разборке” использовались только те стволы, которые и найдены на месте преступления. Вырисовывалась стройная и удобная версия взаимного поголовного уничтожения враждующими группировками. На что косвенно указывало и местожительство преступников, трое из которых имели местную прописку, а остальные – белорусскую и брянскую. Раненый уже отдал Богу душу, и ничего ни добавить к версии, ни опроверг-

нуть не мог.

Ремизов же был уверен, что бойня не обошлась без участия Валдиса, и единственное, чего он не мог понять, это то, каким образом привязать сюда тихого и интеллигентного Сашу Ливенталя? Оставалось только сидеть и ждать, когда объявится Валдис для получения своего гонорара, и попытаться вытянуть из него объяснения. С этим Ремизов и поехал к Диане.

Но у Дианы были другие планы. Она упрямо и тупо твердила, что нужно ехать и искать Валдиса.

– Где?– бесился Ремизов.– В Риге? В Гданьске? В Гамбурге?

– Он здесь,– тихо говорила Диана.– Я чувствую, он где-то рядом. С ним что-то случилось. Надо его найти.

– Это одинокий волк!– кричал Ремизов.– Ты пойми, это человек-призрак, у него несколько паспортов на разные имена!

– Не кричи. У меня хороший слух и я прекрасно тебя слышу.

– Ну, хорошо,– пытался успокоиться Ремизов.– Давай говорить трезво. Какое тебе, в конце концов, дело до этого бандита?

– “Этот бандит” исчез, выполняя наше поручение.

– Это его работа. И, между прочим, очень неплохо оплачиваемая.

– Я больше ничего не хочу. Надо найти его и сказать, что

больше ничего не нужно. Пусть все остается, как есть.

– О, Господи!– застонал Ремизов.– Тем же концом, по тому же месту. Ну, где я его найду?

– Не знаю. Подумай.

– Хорошо,– сказал Ремизов, чтобы больше не спорить.– Я подумаю. А сейчас уже поздно, я поеду домой.

– Я завтра зайду к тебе на работу.

Олег покорно кивнул и пошел к двери.

Все то время, пока Олег Ремизов был у Дианы, у его собственного подъезда стоял черный БМВ-325 с литовскими номерами и затемненными стеклами. Когда Ремизов спускался в лифте девятиэтажки, где снимали жилье Ливентали, БМВ отъехал от его дома. Если б улицы в этой части города не были так узки, что власти вынужденно перевели их в режим одностороннего движения, Ремизов обязательно встретил бы БМВ. Но его “Сааб” ехал по аллее королевы Луизы, а БМВ – навстречу, только по параллельной улице.

Диана стала варить кофе. Она знала, что все равно в ближайшие пять-шесть часов не сможет уснуть, и чтобы хоть чем-то себя отвлечь, принялась за его приготовление. Долго перемалывала в пыль зерна, потом долго ждала, пока на медленном огне поднимется пена.

В дверь позвонили. Диана пошла отпирать, и вдруг поняла, что ей страшно. Она попыталась успокоить себя тем, что это наверняка Ремизов, который что-нибудь забыл, но страх не проходил. На цыпочках она подошла к двери и накинула цепочку.

– Кто?– спросила она.

– Валдис.

И тут ее взяло зло. Он бросил ее в Пайзе у незнакомых людей, неделю не появлялся... Щелкнув замком, она рывком дернула дверь, и та глухо вякнула, задрожав на натянутой цепочке.

– Что тебе надо?– она хотела сказать еще что-то оскорбительное, но запнулась, встретив его взгляд. Глаза были, как у чучела зайца в антикварной лавке – бессмысленно-стеклянными. Эти глаза смотрели и не видели ее, они были пустыми и прозрачными.

– Открой,– сказал он.

В страхе она стала закрывать дверь, но почувствовала, что

та не идет, опустила взгляд вниз и увидела большую рыжую собачью морду, которая, оскалившись, лезла в щель. Диана вскрикнула, схватила с вешалки зонтик, и стала бить им по злобной пасти, но собака извернулась, перехватила зонт, и он захрустел под ее огромными белыми клыками.

В это мгновение сзади Дианы, с кухни, послышалось громкое шипение. Она метнулась туда, схватила турку с кипящим кофе и, подбежав к двери, выплеснула его в морду псине, которая уже просунула в щель голову и одну лапу. Собака рыкнула с подвизгиванием и исчезла. Зато в щели появилась рука Валдиса. Он схватил цепочку и с такой силой стал рвать ее, что Диане показалось, будто шурупы, на которых цепочка крепилась к косяку, стали поддаваться и выползать из древесины. Она несколько раз ударила туркой по его кисти, но только оторвала ручку кофеварки и убедилась, что шурупы действительно вылезли настолько, что уже показалась их резьба. Тогда она догадалась ударить по руке дверью. После четвертого или пятого удара Валдис отдернул кисть, и Диана смогла захлопнуть дверь.

Внезапно наступившая тишина оглушила ее. Она стояла, оцепенев, боясь вздохнуть чуть громче, и прислушивалась к звукам на лестничной клетке. Там было тихо. Потом подошел лифт, открылись его двери, и сквозь шорохи можно было различить цоканье собачьих когтей по кафелю на бетонной площадке. Дверь лифта закрылась, и он загудел вниз. У Дианы подкосились ноги, она села на половик, и, прислонив-

шись щекой к двери, застывшим взглядом уперлась в свои весенние сапоги.

Прошло не меньше часа, пока Диана решилась выйти из дома. До Ремизова было всего несколько кварталов, но она побоялась идти пешком и взяла такси.

У подъезда Олега она встала за куст рододендрона и закурила. Не хотела демонстрировать жене Ремизова эту свою привычку. Покурив, она выбросила сигарету и вдруг увидела черный БМВ, стоявший в ряду других машин и потому не сразу бросившийся в глаза. Тут же она увидела и Олега. Тот вышел из подъезда, покрутил головой и подошел к машине Валдиса. Склонился к двери, открывшейся с другой стороны от Дианы, и сел в машину. БМВ выехал из ряда, выруливая на Красную улицу.

– Ты что, с похмелья?– спросил Ремизов, когда садился в машину.

Валдис промолчал.

– Глаза у тебя какие-то странные,– сказал Ремизов.

Они проехали до памятника Карлу Марксу, свернули на проспект и направились к выходу из города, на северное шоссе.

– Это далеко?– забеспокоился Ремизов.

– Нет,– сказал Валдис.

– Я надеюсь,– сказал Ремизов.– У меня в десять важная встреча в администрации города.

Валдис кивнул. За городом, едва они миновали военный аэродром с самолетами, прятавшимися в траве, Олег услышал сзади себя какую-то возню и обернулся. И тут же отпрянул, чуть не ударившись головой в лобовое стекло. На заднем сиденье устроилась большая рыжая собака. Она разглядывала Ремизова и нервно зевала, показывая белые клыки в палец толщиной.

– Черт!– крикнул Ремизов.– Что это такое?

Валдис не ответил.

– Это чей зверь? – спросил Ремизов.

– Мой, – ответил Валдис.

Олег недоверчиво покачал головой.

– И где же ты его взял?

Тот опять промолчал.

– А я никак не могу понять, откуда это псиной воняет?–
сказал Ремизов.

Сзади него послышалось рычание.

– Чего это она?– опасно спросил Олег.

– Она не воняет,– сказал Валдис.

– Да?!– удивился Олег.– Значит, это я так воздух дезодорирую.

Шедшая навстречу, машина мигнула фарами. Валдис поднял руку, давая понять, что понял сигнал.

– Они обычно там, за углом, прячутся,– сказал Олег.

– Я знаю,– ответил Валдис, и коротко ударил Ремизова ребром ладони по горлу.

Тот обмяк в кресле. Встречный “Пассат” тоже включил и выключил свет. Валдис и его приветствовал. Войдя в поворот, он увидел маскирующийся в кустах бузины бело-синий микроавтобус ГАИ. Ефрейтор махнул жезлом, и Валдис, проскочив еще метров десять мимо него, затормозил, прижавшись к обочине.

– Инспектор патрульно-постовой службы областной Госавтоинспекции, – скороговоркой выговорил ефрейтор.– Ваши документы, пожалуйста.

Валдис дал ему права и техпаспорт.

– Превышаете, господин Ауктуммис!– радостно сообщил ефрейтор.– У нас чуть радар не зашкалило! Я понимаю, ма-

шина скоростная, трудно удержаться... Так что будем делать?

Валдис поморщился.

– Санксти,– тихо сказал он.

Та подалась вперед с заднего сиденья, и, положив голову подбородком на плечо Валдису, шепотом позвала милиционера:

– Молодой человек.

Ефрейтор удивленно посмотрел на нее, потом замигал, потер глаза, будто в них попал дым, и уставился прямо в острые черные дырочки зрачков, окруженные желтой радужной оболочкой.

Санксти протянула ему обертку от шоколадной конфеты, которую только что съела, и также шепотом спросила:

– Ну что, милый, тяжело тут стоять? Небось, жарко?

– Тяжело,– сказал ефрейтор, как эхо.– Жарко.

– А ты не горюй. Ты возьми деньги-то, возьми. Это хорошие деньги, большие. Видишь, какие большие?

– Большие,– повторил за ней ефрейтор.

– Ты, мой хороший, спрячь их подальше, а то ведь увидит кто, скажет – взятки берешь.

Милиционер, не спуская глаз с ее зрачков, стал совать обертку в карман форменных брюк, никак не попадая в него рукой.

– Что-то писать хочется,– сказала Санксти.

– Хочется,– сказал ефрейтор.

– Ой, как писать хочется!..– сказала Санкти.

Ефрейтор скривился и затоптался на месте, как конь.

– А мы сейчас пойдём и пописаем,– приговаривала рыжая ведьма.

– Только не вместе,– сказал Валдис.– Нам ехать надо.

– Зачем же вместе? Он уже большой, он и один может. Да, мой ласковый?

– Да.

– А как пописаем, так все и забудем. Будто и не было никакой черной машины, будто и не было никакого Ауктуммиса, и тети красивой тоже не было? Правда?

– Правда.

– А бумажки эти дай мне, я выброшу. Нехорошие бумажки, грязные бумажки,– сказала Санкти, забирая у милиционера документы.– Ну, иди, попирай, мой хороший, иди.

Ефрейтор посторонился, пропуская зеленый “Мерседес” – такси, и заторопился в лес.

Когда он вернулся к микроавтобусу, его напарник спросил:

– Ну что там?

– Поссал,– ответил ефрейтор.

– А с БМВ что? Оштрафовал?

– Блядь...– сказал ефрейтор и покачнулся.– Что-то у меня голова болит.

– Эй!– сказал его напарник, увидев, как побелело лицо ефрейтора.– Ты чего, Миша? Тебе плохо, что ли? Эй, эй, ты

того, ты только не падай! погоди, сейчас я тебе помогу к машине добраться, отдохнешь! Ты только держись, Миша!

Он дотащил своего товарища до микроавтобуса и посадил на порог, прислонив к сиденью.

– Ты погоди,– бормотал он,– погоди, сейчас я тебе водички дам. Это жара блядская. Стой тут, как блядь. Сами постояли бы, бляди, узнали бы, что почем!

Ремизов очнулся и увидел кроны деревьев. “Дуб” – машинально отметил Ремизов и понял, что лежит на спине. Верхние ветви были еще освещены розоватым светом, но внизу уже смеркалось. Он попробовал встать и не смог – руки и ноги были растянуты в стороны и крепко привязаны. Кроме того, он осознал, что рот у него заклеен пластырем. Он еще не испугался, до него пока не доходила дикость его положения вся целиком, только отдельные ее части. Вот – руки распяты, пластырь на лице... Затылку почему-то очень твердо. Он подвигал им и выяснил, что лежит на камне. Об этом говорил и позвоночник, и локти, шевелить ими было больно. Этот камень, на котором уместился весь Олег Ремизов, и объединил все его ощущения в одно целое – в ужас. До него дошло, что он распят на камне абсолютно голым и беспомощным. Мгновенно он вспомнил, как сел в машину к Валдису – будь он проклят, этот бандит! Какого черта он с ним связался? Ведь зарекался же – никаких дел с бандитами... – как тот повез его из города... Надо же так попасться! Самому влезть в машину к убийце и выехать с ним к ночи за город!

“Сколько времени? – подумал Ремизов. – Ведь мне в десять встречаться с Шадриным из администрации”.

Идиот! Какой, на хрен Шадрин! Сейчас тебя начнут ре-

зять и по кусочкам отправлять твоей жене – требовать выкуп. А откуда у нее выкуп? Бред какой-то... Можно подумать, что мы не в Пруссии, а в Москве или в Свердловске. Дичь... Бред какой-то...

Ремизов расвирепел и дернулся, пробуя порвать веревки, но только причинил боль позвонкам, двинув ими по камню.

– Он очнулся,– сказала где-то неподалеку женщина, и почти сразу он ее увидел. Высокая, стройная, с пышным облаком вьющихся рыжих волос и жесткими глазами желтого цвета. Она показала Ремизову нож и провела им по его шее.

– Будешь кричать, тут тебя все равно никто не услышит,– сказала она. – А я с удовольствием отрежу тебе голову.

Она твердым, как коготь, ногтем подцепила край пластыря и отодрала его от лица Ремизова.

– Подыши.

“Где я?” – хотел спросить Ремизов, но закашлялся. Горло свело и саднило.

– Ты у меня в гостях,– усмехнулась женщина.

Ремизов только через несколько секунд понял, что она услышала то, чего он не успел произнести.

– Валдис здесь?– сипло спросил Ремизов.

Женщина опять усмехнулась.

– Подонок,– сказал Ремизов. – Что вам от меня нужно?

– Кровь,– буднично сказала она.

– Зачем?

Она с любопытством глянула на него.

– В первый раз разговариваю с жертвой. Забавно.

Она поднесла к его шее нож, поводила им по коже и улыбнулась, заметив как Ремизов, изменившись в лице, косит глазами.

– Забавно,– повторила она. Потом, воровато оглянувшись, провела другой рукой по его животу и взялась за пенис. Рот ее приоткрылся, и она облизнула губы языком.

– Санксти, суннис¹, уйди от него!– послышался чей-то хриплый окрик.

Рыжая отдернула руку и, засмеявшись, подняла нож.

– Помни о нем,– сказала она.– Я недалеко.

Она ушла, и почти вслед за этим подошел Валдис с крепким пегим стариком. Оба несли длинные поленья. Они скинули их на землю у камня и принялись складывать штабелем.

– Валдис!– позвал Ремизов.

Тот не обернулся.

– Валдис!

Старик поднял голову и сказал:

– Не зови его. Если будешь кричать, мы опять заклеим тебе рот.

Говорил он со странным акцентом. Они закончили свою работу, и ушли за новыми поленьями. Ремизов заметил, что, уходя, они слишком быстро исчезают из поля зрения, и решил, что лежит на вершине холма. Сквозь деревья, в обе сто-

¹ Суннис – сука /прусск/.

роны от себя, он мог видеть угасающее небо.

Темнело. По мере того, как сгущались сумерки, Олегу все меньше нравилось его положение. Поначалу, когда рыжая стерва стала трепать его орган, он подумал, что это какая-нибудь извращенка, она изнасилует его, и на этом все кончится. Но присутствие Валдиса и старика, похожего на беглого каторжника, убедило его, что планы их куда серьезнее. Хуже всего было то, что он не понимал, чего от него хотят? Сейчас он уже готов был согласиться на все, что угодно, на любой выкуп. Он как-нибудь собрал бы деньги, отдал этим ублюдкам, лишь бы они отпустили его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.